

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

 РИЧАРД

ФРИМЕН

ПОЮЩИЕ
КОСТИ

ТАЙНЫ Д'ЭРБЛЕ

Золотой век английского детектива

Ричард Фримен

**Поющие кости. Тайны
Д'Эрбле (сборник)**

«АСТ»

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Фримен Р. О.

Поющие кости. Тайны Д'Эрбле (сборник) / Р. О. Фримен —
«АСТ», — (Золотой век английского детектива)

В знаменитом сборнике рассказов «Поющие кости» доктор Торндайк расследует таинственные и запутанные преступления: кражу крупной партии бриллиантов, загадочное убийство управляющего поместьем, дела о шантаже, мошенничестве и другие. Во время прогулки у озера молодой врач Стивен Грей обнаруживает на берегу тело скульптора Д'Эрбле. Но как там оказался скульптор? При каких обстоятельствах погиб? Полиция теряется в догадках, и тогда Стивен Грей просит своего коллегу доктора Торндайка провести частное расследование. А вскоре и жизнь самого Стивена оказывается в смертельной опасности...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Фримен Р. О.
© АСТ

Содержание

Поющие кости	6
Предисловие	7
Часть I	8
Глава 1	8
Глава 2	15
Часть II	31
Глава 1	31
Глава 2	41
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Ричард О. Фримен

Поющие кости. Тайны Д'Эрбле (сборник)

© Перевод. Н.С. Ломанова, 2015

© Перевод. Л.Г. Мордухович, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Поющие кости

Перевод с английского Н.С. Ломановой

Предисловие

Особое построение первых четырех рассказов настоящего сборника, вероятно, удивит читателей и критиков. Поэтому требуется разъяснение подхода к изложению текста, которое я и предлагаю вашему вниманию.

В традиционных детективных историях все концентрируется вокруг главного вопроса – кто совершил преступление. Личность преступника не раскрывается до самого конца повествования, а его разоблачение становится кульминацией всей книги.

Мне всегда казался ошибочным подобный подход. В реальной жизни знание личности преступника чрезвычайно важно для выявления причин преступления. Однако в художественном произведении, где такие причины не рассматриваются, интерес читателя должен быть прежде всего сосредоточен на неожиданных последствиях самых заурядных поступков, тайных причинно-следственных связях и вычленении решающих улик из множества фактов, на первый взгляд не относящихся к делу. Читатель прежде всего задается вопросом «Как было раскрыто преступление?», а не «Кто его совершил?». Иными словами, пыливый читатель в большей степени интересуется процессом, а не конечным результатом.

Однотипность всех детективных историй, где читатель узнает истину лишь в финале, побудила меня задать себе вопрос: возможно ли написать детектив, где читатель становится свидетелем преступления и узнает факты, на которых потом строится следствие? Сохранится ли интрига, если читатель будет заранее обо всем осведомлен? Мне казалось, что это никак не повлияет на его интерес к произведению, и в качестве эксперимента, призванного проверить мою правоту, я написал рассказ «Дело Оскара Бродского», где повествование как бы перевернуто и читатель с самого начала находится в курсе происходящих событий, в то время как сыщик пребывает в полном неведении и вся интрига держится на неожиданном значении самых тривиальных обстоятельств.

Знаючи по обе стороны Атлантики, включая редактора «Пирсонс мэгэзин», встретили такой подход с энтузиазмом, предложив мне написать еще несколько подобных историй.

Я написал еще три и объединил их в одну книгу, добавив туда вполне традиционный рассказ, чтобы читатели могли оценить достоинства обоих способов повествования.

Моряки, вероятно, заметят, что я позволил себе вольность, заменив плавучий маяк на отмели Гедлер свайным, что не соответствует действительности. Я отмечаю данный факт, желая избежать лишней критики и избавить читателя от необходимости указывать на мою ошибку.

Часть I

Дело Оскара Бродского

Глава 1

Механизм преступления

О совести наговорили множество всякого вздора. С одной стороны, существует такое понятие, как угрызения совести (или «приступы раскаяния»); с другой – имеется так называемая стоворчивая совесть, причем считается, что человеческое счастье или несчастье можно описать этими двумя понятиями. Грань между ними не всегда бывает четкой: при особо неблагоприятных обстоятельствах самая нестигаемая совесть может дать слабину, а колеблющаяся совесть, наоборот, приобрести несвойственную ей твердость. Есть и такие везунчики, вообще не имеющие совести, что дает им неоспоримые преимущества перед простыми смертными.

Примером мог служить Сайлас Хиклер. Глядя в веселое круглое лицо, светившееся доброжелательностью и постоянно озаряемое улыбками, вряд ли кто-то заподозрил бы в нем преступника. И менее всего его почтенная набожная экономка, ежедневно наблюдающая, как он с самым добродушным видом насвистывает веселые мелодии и с отменным аппетитом поглощает все, что ему подают за столом.

И все же главным источником его скромного, но вполне приличного дохода были виртуозные кражи со взломом. Рискованное ремесло с непредсказуемым исходом, однако при разумном подходе и определенной умеренности его опасность можно свести до минимума. А Сайлас являлся человеком благоразумным. Работал всегда в одиночку и планировал свои вылазки самостоятельно. Сообщников избегал, так что в случае чего свидетельствовать против него было некому и никто не бежал в припадке мстительности с доносом в Скотленд-Ярд. В отличие от большинства преступников его нельзя упрекнуть ни в алчности, ни в расточительности. Знал меру и срывал свой куш не слишком часто, все заранее продумывал, совершал набеги втайне, а выручку благонамеренно вкладывал в хозяйство.

Раньше Сайлас занимался торговлей бриллиантами, да и сейчас иногда совершал небольшие сделки. Его подозревали в нелегальной торговле бриллиантами в обход «Де Бирс», а кое-какие нескромные дилеры даже позволяли себе шепотком произносить зловещее словосочетание «скупка краденого». Но Сайлас, благодушно улыбаясь, продолжал гнуть свою линию. Он проявлял разумную осторожность, а его клиенты в Амстердаме были не слишком любопытны.

Таким являлся Сайлас Хиклер. Прогуливаясь по своему саду в сумраке октябрьского вечера, он выглядел типичным представителем среднего класса, скромным, но вполне преуспевающим. На нем был дорожный костюм, который он обычно надевал, совершая свои маленькие путешествия на континент. Во внутреннем кармане жилета лежал пакетик с бриллиантами, купленными в Саутгемптоне вполне легально, но без неуместных вопросов. Другой, гораздо более ценный, спрятан в каблуке правого ботинка. На диване в гостиной стоял собранный саквояж. Через полтора часа Сайлас должен был сесть в поезд и пересечь на пароме Ла-Манш, а пока он коротал время, бродя по увядающему саду и размышляя, куда вложить деньги от предстоящей сделки. Его экономка уехала в Велхэм за покупками и вернется не раньше одиннадцати. Он был один и немного скучал.

Сайлас уже собирался закончить прогулку и вернуться в дом, когда уловил звук шагов по грунтовой дорожке, проходящей за его садом. Он остановился и прислушался. Поблизости не было никакого жилья, и дорога терялась на пустыре за домом. Какой-то посетитель? Вряд

ли. К Сайласу Хиклеру редко навевались гости. Шаги приближались, все громче отдаваясь на твердой каменистой тропе.

Сайлас подошел к калитке и с любопытством выглянул наружу. Отблеск от зажженной сигареты на мгновение высветил мужское лицо. Затем из темноты выступила смутная фигура и, приблизившись к калитке, остановилась. Незнакомец вынул изо рта сигарету и, выпустив облачко дыма, спросил:

– Скажите, эта дорога выведет меня к станции Бедхэм?

– Нет, но там дальше есть тропинка, по которой вы пройдете к станции.

– Тропинка, – проворчал незнакомец. – Я уже по ним находилась. Пошел по дороге в Кэтли, чтобы добраться до станции, а потом какой-то осел подсказал мне короткий путь, и в результате я уже полчаса плутаю в темноте. К тому же я плохо вижу.

– А вы на какой поезд?

– Семь пятьдесят восемь.

– Мне тоже на него, но я собираюсь выходить только через час. До станции всего три четверти мили. Если хотите, можете зайти, тогда мы отправимся вместе, и вы уж точно не заблудитесь.

– Вы очень любезны, – поблагодарил незнакомец, взглянув через очки на темный дом. – Но... я думаю...

– Уж лучше здесь ждать, чем на станции, – радушно заявил Сайлас, широко распахивая калитку.

Чуть поколебавшись, незнакомец вошел и, отбросив сигарету, последовал за хозяином к дому.

В гостиной было темно, и лишь у стены чуть светился догорающий камин. Сайлас поднес спичку к газовой лампе, свисавшей с потолка. Заплясавшее пламя осветило комнату, и мужчины с любопытством оглядели друг друга.

«Бродский, ей-богу, он! – пронеслось в голове у Хиклера. – Не узнал меня, да и немудрено – после стольких-то лет, да и подслеповат старик».

– Присаживайтесь, сэр, – произнес он. – Может, подкрепимся, чтобы скоротать время?

Пробормотав что-то в знак согласия, Бродский положил на стул серую фетровую шляпу, поставил саквояж на край стола и, прислонив к нему зонт, опустился в небольшое кресло.

– Как насчет печенья? – предложил Хиклер, ставя на стол бутылку виски, сифон и свои лучшие хрустальные стаканы.

– Благодарю вас, не откажусь. Учитывая предстоящую поездку и после всех этих блужданий...

– Да, – согласился Сайлас. – Не дело пускаться в дорогу на голодный желудок. Вы не возражаете против овсяного печенья? Ничего другого у меня нет.

Бродский поспешил уверить, что очень любит овсяное печенье, и в подтверждение своих слов стал с аппетитом его поглощать, предварительно плеснув себе изрядную порцию виски. Ел он сосредоточенно и с увлечением, размеренно пережевывая каждую порцию, что никак не способствовало взаимной беседе, так что говорить пришлось в основном Сайласу, который первый раз в жизни почувствовал себя неуверенно. Было бы вполне естественным побеседовать о предстоящей поездке и ее целях, но именно этого Хиклер старался избежать. Он прекрасно знал, куда и зачем едет его гость, а интуиция подсказывала, что эту осведомленность лучше не показывать.

Бродский, известный торговец бриллиантами, вел свой бизнес с размахом. Скупал необработанные алмазы и считался в этой области большим знатоком. Особую слабость питал к камням необычной формы и размеров. Собрав очередную партию, сам отвезил ее в Амстердам и контролировал огранку. Будучи в курсе его дел, Хиклер ни минуты не сомневался, что

Бродский едет в очередной вояж и в его потрепанной одежде спрятан бумажный пакетик с алмазами, стоивший несколько тысяч фунтов.

Бродский продолжал монотонно жевать, не вступая в беседу. Хиклер, сидевший напротив, говорил с нервной оживленностью, не спуская с гостя приветливого взгляда. Ведь он сам специализировался на драгоценных камнях, прежде всего на бриллиантах. Столового серебра избегал – оно было слишком громоздким, к золоту, за исключением монет, прикасался редко, главным предметом его промысла являлись камни, которые без труда умещались в каблук ботинка и могли быть реализованы без особых проблем. И вот теперь перед ним сидел человек, спрятавший в кармане пакетик, стоимость которого была не меньше дюжины его собственных уловов. Сколько же за него можно выручить? Хиклер взял себя в руки и быстро, хотя и несколько отвлеченно, заговорил. В голове у него бурлил поток мыслей, никак не связанных с его словесными рассуждениями.

– По вечерам стало холодать, – заметил он.

– Да, – кивнул Бродский и продолжил медленно двигать челюстями, громко дыша через нос.

«Тысяч пять по меньшей мере, – размышлял Хиклер. – А может, и все десять».

Он заерзал на стуле и попытался сосредоточиться на чем-то другом. Его рассудок повел себя довольно странно, и он с неудовольствием отметил это новое для себя состояние.

– Вы не интересуетесь садоводством? – спросил Сайлас.

Помимо бриллиантов и собственных доходов он имел еще одну слабость – фуксии.

Бродский издал слабый смешок.

– Разве что бываю на Хаттон-Гарден¹... – Чуть запнувшись, добавил: – Я ведь живу в Лондоне.

От Сайласа не укрылась эта короткая заминка, и он с легкостью объяснил ее. Человек, везущий с собой целое состояние не совсем легального свойства, должен быть осторожен в высказываниях.

– Да, подобное занятие не для лондонца, – рассеянно обронил он, занявшись мысленными подсчетами.

Предположим, камни потянут на пять тысяч фунтов. Какой недельный доход они могут обеспечить? Его последние объекты принесли ему по двести пятьдесят фунтов каждый, и эти средства позволяли получать по десять шиллингов и шесть пенсов недельного дохода. При таком проценте пять тысяч фунтов равнозначны двадцати объектам с таким же недельным доходом, значит, десять фунтов в неделю – один фунт десять шиллингов в день – пятьсот двадцать фунтов в год – в общем, хватит на обеспеченную жизнь. А если сложить с тем, что он уже имеет, получается и вовсе солидный капиталец. С таким доходом он может кинуть свои инструменты в реку и всю оставшуюся жизнь прожить в комфорте, ничем при этом не рискуя.

Хиклер с беспокойством посмотрел на гостя и быстро отвел взгляд: в нем шевельнулось чувство, которое он безошибочно угадал. Нет, это надо пресечь в зародыше. Совершать насилие он всегда считал неблагоприятным. Был, конечно, один случай с полицейским в Вейбридже, но непредвиденный и неизбежный, и тот констебль сам напросился. Да, еще камердинер в Эпсоме, но этот старый идиот зачем-то завопил что есть мочи, и все произошло спонтанно, конечно, он очень жалеет о случившемся прискорбном происшествии. Но намеренное убийство с целью ограбления? На такое способен лишь сумасшедший.

Однако если уж решаться на безумный шаг, то более подходящего случая не придумаешь. Жирный кусок наживы, пустой дом вдали от проезжей дороги и соседей, позднее время, темнота – но ведь придется избавляться от тела. Спрятать труп – всегда проблема. Со стороны пустоши раздался гудок лондонского экспресса, и мысли Хиклера потекли в другом направ-

¹ Квартал, где сосредоточены лондонские ювелирные магазины. – *Здесь и далее примеч. пер.*

лении. Подчиняясь им, он пристально посмотрел на Бродского, с отсутствующим видом потягивающего виски. С трудом отведя глаза, Хиклер резко вскочил со стула и, покосившись на каминные часы, вытянул руки над догорающим огнем камина. Ему вдруг захотелось поскорее покинуть дом. Почувствовав легкую дрожь, хотя ему было жарко, Хиклер посмотрел на дверь.

– Сквозит, – заявил он, вздрогнув. – Наверное, дверь плохо закрыта.

Пройдя через комнату, Хиклер широко распахнул дверь и выглянул в темный сад. Ему вдруг захотелось оказаться поскорее на дороге и прогнать безумные мысли, упорно донимавшие его сознание.

– Наверное, нам пора, – произнес он, тоскливо посмотрев в темное беззвездное небо.

Приподнявшись со стула, Бродский обвел глазами комнату.

– Ваши часы идут точно?

Сайлас кивнул.

– Сколько нам идти до станции?

– Минут двадцать пять – тридцать, – ответил Сайлас, невольно увеличив расстояние.

– Ну, так у нас в запасе более часа. Лучше посидим здесь. Не вижу смысла выходить раньше времени.

– Вы правы.

Сайлас немного постоял на пороге, зачарованно глядя в темноту. Потом осторожно закрыл дверь и повернул ключ в замке. Опустившись в кресло, он попытался продолжить беседу с безучастным Бродским, но слова застревали в горле. Его бросало в жар, мозг судорожно работал, в ушах тихо звенело. Он стал рассматривать своего гостя с каким-то новым, зловещим интересом, усилием воли отводил глаза, но затем снова бросал устрашающий взгляд на ушедшего в себя мужчину. В его голове мрачной чередой мелькали догадки, как бы воспользовался обстоятельствами настоящий преступник – кровавый и безжалостный, – и он невольно ставил себя на его место. Из разрозненных фрагментов складывалась картина воображаемого убийства с четко разработанной последовательностью действий.

Хиклер тяжело поднялся со стула. Сидеть напротив человека со столь драгоценным грузом было просто невыносимо. Порыв, столь удививший и напугавший его, все больше выходил из-под контроля. Оставшись в комнате, он уже не сможет побороть его, и тогда... Сайлас весь сжался от ужасной мысли, но руки у него так и чесались завладеть бриллиантами. Ведь, невзирая на свою умеренность в наживе, он оставался преступником по натуре. Хищником. Его добыча всегда была краденой или взятой силой. И любые неохраняемые ценности пробуждали в нем хищнические инстинкты и страсть непременно завладеть ими. Нежелание упустить бриллианты захватило его целиком и лишило способности сопротивляться. Однако Хиклер предпринял еще одну попытку предотвратить неизбежное. Он решил не общаться с Бродским до выхода из дома.

– Прошу меня извинить, но я хочу обуть другие ботинки. Погода может измениться, а в промокшей обуви путешествовать не слишком комфортно.

– Да, и к тому же опасно для здоровья, – заметил Бродский.

Сайлас прошел в кухню, где стояли его прогулочные ботинки на толстой подошве, тщательно отмытые и начищенные до блеска. Он не собирался переобуваться для поездки, поскольку бриллианты спрятаны в каблучках ботинок, которые были сейчас на нем. Но он все-таки сменит ботинки, а потом передумает – это поможет как-то скоротать время. Сайлас глубоко вздохнул. Покинув гостиную, он почувствовал облегчение. Возможно, если он посидит в кухне, искушение исчезнет. Бродский отправится на станцию, возможность будет упущена, опасность минует... но вот бриллианты...

Медленно расшнуровав ботинки, Хиклер поднял голову. Бродский сидел за столом спиной к кухонной двери. Он перестал жевать и сосредоточенно свертывал папиросу. Сайлас

тяжело задышал и, скинув ботинок, сидел неподвижно, упершись взглядом в спину Бродского. Он расшнуровал второй ботинок, стянул его с ноги и положил на пол.

Скрутив папиросу, Бродский зализал бумагу, убрал кисет и, смахнув с колен крошки табака, стал шарить по карманам в поисках спичек. Внезапно Сайлас поднялся со стула и медленно двинулся по коридору в гостиную. Он крался, как кот, беззвучно дыша через полураскрытый рот, пока не оказался на пороге комнаты. Лицо покраснелось, широко раскрытые глаза ярко блестели в свете лампы, в ушах стучала кровь.

Бродский чиркнул спичкой, прикурил и, задув спичку, бросил ее в камин. Опустив коробок в карман, стал с наслаждением курить. Сайлас медленно и бесшумно вошел в гостиную и по-кошачьи подобрался к стулу, на котором сидел Бродский, причем так близко, что ему пришлось отвернуться, чтобы тот не уловил его дыхания. Полминуты Хиклер стоял неподвижно, словно символическая фигура смерти, устремившая ужасный взгляд в макушку ничего не подозревавшего торговца бриллиантами. Сайлас быстро и беззвучно дышал, а его пальцы медленно двигались, словно щупальцы гигантской гидры. Потом так же бесшумно он попятился к двери и, развернувшись, удалился на кухню.

Там он перевел дух. Цель оказалась близка. Жизнь Бродского висела на волоске. Все оказалось очень просто. Если бы в руках у него было что-то тяжелое, например молоток или камень... Неожиданно Хиклер заметил металлический стержень, оставленный рабочими, строившими новую теплицу. Это был обрезок чугунной стойки длиной около фута и толщиной три четверти дюйма. Если бы минуту назад у него в руках оказалась эта штуковина...

Он поднял обрезок, взвесил его в руке и поднес к голове. Серьезное оружие и к тому же бесшумное. Вполне годится для его замысла. Нет, лучше положить его на место.

Но Сайлас этого не сделал. Подойдя к двери, он снова посмотрел на Бродского. Тот по-прежнему сидел к нему спиной, периодически выпуская дым.

Вдруг в Хиклере произошла разительная перемена. Его лицо побагровело, приобрело свирепое выражение, вены на шее вздулись. Вынув часы, он посмотрел на время и быстро убрал их в карман. После чего бесшумными шагами двинулся в гостиную.

Остановившись за стулом, на котором сидела жертва, он занес руку с обрезком над ее головой. Услышав легкий шорох, Бродский оглянулся как раз в тот момент, когда металлический стержень со свистом рассекал воздух. Цель сместилась, и убийца промахнулся, лишь слегка задев голову жертвы. Слабо вскрикнув, Бродский вскочил со стула и схватил нападавшего за руку. Животный страх, казалось, придавал ему силы. Началась отчаянная борьба – мужчины, сцепившиеся в смертельной схватке, неуклюже топтались на полу, раскачиваясь и напирая друг на друга. Стул перевернулся, пустой стакан слетел на пол и вместе с очками Бродского был раздавлен ногами дерущихся. Бродский снова закричал – громко, жалобно и пронзительно, чем поверг Сайласа в немалый испуг: а вдруг его услышит какой-нибудь случайный прохожий. Собрав все силы, он опрокинул свою жертву на стол и, схватив угол скатерти, запихнул его Бродскому в рот, открытый для очередного вопля. Целых две минуты оба оставались неподвижными, напоминая зловещую аллегорическую скульптуру. Когда подергивания жертвы прекратились, Сайлас ослабил хватку, и бездыханное тело съехало на пол.

Все было кончено. Так или иначе, но дело было сделано. Сайлас выпрямился, тяжело дыша и вытирая пот со лба. Взглянув на часы, он увидел, что они показывают без одной минуты семь. Значит, все это заняло не больше трех минут. У него оставался час, чтобы замести следы. В семь двадцать должен был пройти товарный поезд, а до железной дороги было не больше трехсот ярдов. И все же не стоило терять время. Хиклер снова обрел самообладание и был озабочен лишь тем, что кто-то мог услышать крики Бродского. Остальное не составляло труда.

Он наклонился и, осторожно вытащив ткань из плотно сжатых зубов Бродского, стал тщательно обыскивать его карманы. Вскоре он нашел то, что искал, и, вытащив бумажный

пакетик, внутри которого перекатывались твердые крупы, искренне поздравил себя, ничуть не сожалея о содеянном.

Потом Хиклер деловито приступил к уборке, не забывая поглядывать на часы. Несколько капель крови упало на скатерть, на ковре под головой убитого тоже темнело кровавое пятно. Сайлас принес из кухни воду, щеточку для ногтей, сухую тряпку и стал затирать пятна на скатерти, не забыв при этом и о крышке стола. Смыв пятно с ковра, он подложил под голову убитого лист бумаги, чтобы больше не испачкать ворс. Разгладив скатерть, поднял стул, положил раздавленные очки на стол, потом поднял с пола растоптанную сигарету и швырнул ее под каминную решетку. Осколки стекла от разбившегося стакана и очков Бродского он тщательно смел в совок, затем высыпал их на лист бумаги и тщательно рассортировал. Вынув стекло от очков, Сайлас положил его на отдельный лист бумаги, а все остальное свалил обратно в совок и, торопливо надев ботинки, отнес его в мусорную кучу за домом.

Пора было идти на станцию. Торопливо отрезав кусок шпагата от мотка, Сайлас, связав саквояж и зонтик, повесил их на плечо убитого. Потом завернул осколки очков в бумагу и засунул вместе с оправой в карман. Подняв тело, Сайлас перекинул его через плечо – Бродский был маленьким и шуплым и вряд ли весил больше девяти стоунов. Вполне посильная ноша для крупного, атлетически сложенного мужчины, каким был Хиклер.

Снаружи была кромешная темнота. Выглянув из задней калитки на пустырь, отделявший его дом от железной дороги, Сайлас убедился, что дальше двадцати футов ничего не разглядишь. Прислушавшись и не услышав ни звука, он вышел, тихо закрыл за собой калитку и быстро устремился к железной дороге. К сожалению, его передвижение было не столь бесшумным, как он рассчитывал.

Торфяная земля заглушала его шаги, однако покачивающиеся саквояж и зонтик стучали друг о друга и затрудняли передвижение.

До путей было всего триста ярдов. Обычно Сайлас добирался до них за три-четыре минуты, но сейчас мешала его ноша и частые остановки, чтобы прислушаться. До ограды, отделявшей пути от пустыря, он добрался за шесть минут. Там остановился и вновь прислушался, настороженно вглядываясь в темноту. Но вокруг не было ни души. Раздавшийся вдали свист паровоза заставил его поторопиться. Перевалив труп через ограду, дотащил его до ближайшего крутого поворота.

Там он положил тело ничком, так чтобы шея оказалась на ближнем рельсе. Вынув складной нож, Сайлас перерезал узел на шпагате и освободил саквояж и зонтик. Бросив их на полотно рядом с телом, он аккуратно спрятал шпагат в карман, не заметив, что небольшой обрывок от узла упал на землю.

Паровоз пыхтел и громыхал уже совсем близко. Сайлас быстро достал из кармана оправу от очков и пакетик с осколками. Очки он бросил рядом с головой убитого, а осколки, предварительно высыпанные на ладонь, разбросал вокруг оправы. Он успел как раз вовремя. Шум поезда становился все ближе. Сайласа так и подмывало остаться и посмотреть на финал, который превратит убийство в несчастный случай или самоубийство. Но это было небезопасно. Лучше убраться подальше, пока его кто-нибудь не увидел. Он торопливо перелез через ограду и поспешил через пустырь к своему дому.

Хиклер был уже у калитки, когда шум, донесшийся с путей, заставил его застыть. Он услышал длинный свисток, визг тормозов и грохот сталкивающихся вагонов. Стук колес сменился свистом вырывающегося из трубы пара.

Поезд остановился!

На секунду Сайлас замер, у него перехватило дыхание и отвисла нижняя челюсть. Но потом он быстро подбежал к калитке и, проскользнув внутрь, тихо опустил щеколду. Он был не на шутку озабочен. Что там могло произойти? Ясно, что машинист увидел тело. Но что там делается сейчас? А вдруг к нему придут? Сайлас вошел в кухню и прислушался – в любую

минуту могли постучать в дверь, – потом вернулся в гостиную и осмотрелся по сторонам. Там царил полный порядок, но на полу лежал железный обрезок, который он бросил во время драки. Сайлас поднял его и поднес к лампе. Крови на нем не было, только прилипла пара волосков. Рассеянно вытерев обрезок о скатерть, Сайлас отнес его на задний двор и бросил через забор в крапиву. Ничего криминального в этой железяке не было, просто она вызывала у него зловещие воспоминания. Пора было идти на станцию. Рановато, конечно, ведь еще только двадцать пять минут восьмого, но Хиклер не хотел, чтобы его застали дома. Шляпа и саквояж с пристегнутым зонтом лежали на диване. Хиклер надел шляпу, подхватил саквояж и направился к двери, но быстро вернулся, чтобы загасить лампу. Когда он поднял руку, чтобы прикрутить горелку, взгляд его случайно упал на стул, где лежала серая фетровая шляпа Бродского. Сайлас похолодел, на лбу выступил холодный пот. Еще одно мгновение, и он бы, загасив лампу, ушел... Рванувшись к стулу, он схватил шляпу и заглянул внутрь. На подкладке была четкая надпись: «Оскар Бродский». Одной этой шляпы достаточно, чтобы отправить его на виселицу. А что, если с обыском нагрянут сейчас?

При одной этой мысли у Хиклера подкосились ноги, но, несмотря на панику, он действовал хладнокровно. Сбегав на кухню, принес щепки для растопки и бросил их в камин на еще горячие угли, прикрыв скомканным листком из-под головы Бродского. На бумаге он заметил крошечное пятнышко крови, которое укрылось от его взора раньше. Взяв кочергу, Хиклер затолкал листок под щепки и, чиркнув восковой спичкой, поджег их. Когда пламя разгорелось, он искромсал шляпу складным ножом и стал бросать клочки в огонь.

Сердце у него колотилось, руки тряслись от страха разоблачения. Куски шляпы горели неохотно, спекаясь в обугленную массу, которая тлела, сильно дымясь. К тому же они источали тошнотворный запах, так что Сайласу пришлось открыть кухонное окно (входную дверь он отворять побоялся). Подбрасывая клочки в огонь, он продолжал тревожно ловить каждый звук, страшаясь услышать роковой стук в дверь.

Время подгоняло. Уже без двадцати одной минуты восемь! Через пару минут пора выходить, иначе он опоздает на поезд. Хиклер бросил в огонь поля шляпы и побежал наверх, чтобы открыть там окно – кухонное придется перед уходом закрыть. Когда он вернулся, поля уже съжились, превратившись в черную бесформенную массу, которая пузырилась и шипела, испуская едкий жирный дым. Без девятнадцати минут восемь! Больше медлить нельзя. Хиклер взял кочергу, тщательно разделил что осталось от шляпы и смешал с тлеющими углями. Теперь решетка выглядела как обычно. Сайлас постоянно сжигал в камине письма и другой мусор, так что его экономка вряд ли что-нибудь заподозрит. Тем более что угли успеют превратиться в золу еще до ее прихода, а металлической фурнитуры на шляпе не было.

Хиклер взял саквояж, еще раз осмотрел гостиную, загасил лампу и, открыв дверь, чуть задержался на пороге. Потом запер замок, опустил в карман ключ (у экономки был свой) и поспешил на станцию.

Он успел как раз вовремя и, купив билет, вышел на перрон. Поезд еще не подошел, но на перроне было необычно оживленно. Пассажиры, сбившиеся на конце платформы, смотрели на пути, и когда Хиклер с боязливым и мучительным любопытством подошел к ним, из темноты появились двое мужчин с носилками, покрытыми брезентом. Пассажиры расступились, чтобы дать им пройти, бросая любопытные взгляды на скрытое под грубым покровом тело, а когда его внесли в павильон, сосредоточили все свое внимание на носильщике, который следовал чуть поодаль с саквояжем и зонтом в руках.

Внезапно один из пассажиров бросился к нему с криком:

– Это его зонт?

– Да, сэр, – подтвердил носильщик, останавливаясь и протягивая тому зонтик для осмотра.

– О боже! – воскликнул пассажир и резко повернулся к стоящему рядом высокому мужчине. – Могу поклясться, что это зонт Бродского. Вы помните его?

Высокий джентльмен кивнул, и пассажир снова обратился к носильщику:

– Я узнаю этот зонт. Он принадлежит джентльмену по фамилии Бродский. Если вы заглянете внутрь его шляпы, то увидите это имя. Он всегда помечал свои шляпы.

– Шляпу пока не нашли, – сообщил носильщик. – Но вот идет начальник станции, он как раз оттуда.

Подождав, пока его начальник подойдет, носильщик доложил:

– Вот этот джентльмен, сэр, узнал зонт.

– Так вы узнали его, сэр? Может быть, пройдете в павильон и опознаете тело? – предложил начальник станции.

– А оно очень изуродовано? – срывающимся голосом спросил пассажир.

– Изрядно. По нему проехал паровоз и шесть вагонов, пока они сумели остановить поезд. Голову снесло начисто.

– Ужас! Ужас! – У пассажира перехватило дыхание. – Если не возражаете, я лучше воздержусь. Вряд ли это так уж необходимо, как вы думаете, доктор?

– Крайне необходимо, – возразил высокий джентльмен. – Раннее опознание очень важно.

– Ну, раз так нужно...

Пассажир неохотно последовал за начальником станции, и в тот же момент раздался звон колокола, возвещающий о прибытии поезда. Сайлас вместе с другими отъезжающими подошел к краю платформы. Через несколько секунд бледный перепуганный пассажир выскочил из павильона и бросился к своему высокому приятелю.

– Это он! – задыхаясь, воскликнул он. – Старина Бродский! Бедняга. Вот кошмар! Мы должны были здесь встретиться, чтобы вместе ехать в Амстердам.

– А он что-нибудь вез с собой? – спросил высокий, и Сайлас насторожился.

– Да, какие-то камни у него были, но я не знаю сколько. Его секретарь наверняка в курсе. Кстати, доктор, не сможете ли взять шефство над этим делом? Чтобы знать наверняка, это несчастный случай или... ну, все может быть. Мы с ним старые друзья и земляки – оба из Варшавы. Мне бы хотелось, чтобы вы немного поучаствовали в расследовании.

– Согласен. Я постараюсь убедиться, что все именно так, как кажется на первый взгляд, а потом представлю отчет. Вас это устроит?

– Да. Вы очень великодушны, доктор. А вот и поезд. Надеюсь, я не слишком расстроил ваши планы?

– Ничуть. В Уормингтоне нас ждут не раньше полудня, и я надеюсь, что до этого мы успеем кое в чем разобраться.

Сайлас пристально посмотрел на высокого джентльмена, который собирался сыграть с ним шахматную партию ценою в жизнь. Умное лицо, пронизательный взгляд, хладнокровный и решительный вид. Да, это грозный противник. Войдя в вагон, Сайлас с неудовольствием подумал о шляпе Бродского, втайне надеясь, что других промахов он не совершил.

Глава 2 Механизм расследования

(в изложении Кристофера Джервиса, доктора медицины)

Необычные обстоятельства, сопровождавшие смерть мистера Оскара Бродского, известного торговца бриллиантами из Хаттон-Гардена, убедительно продемонстрировали исключительную важность метода Торндайка, который, по его глубочайшему убеждению, еще не в

должной мере оценен. Я оставляю за своим другом и учителем право изложить научный метод, когда он сам сочтет это нужным, и лишь позволю себе восстановить ход событий, поскольку это дело является в высшей степени поучительным.

Уже темнело, когда октябрьским вечером мы с Торндайком, единственные пассажиры в купе для курящих, подъезжали к маленькой станции Ладхэм. Когда поезд замедлил ход, мы увидели в окно людей, толпящихся на платформе, и Торндайк вдруг удивленно воскликнул:

– Да это Боскович!

В тот же момент в наше купе влетел экспансивный маленький человек.

– Надеюсь, я не побеспокою столь ученое собрание, – произнес он и, пожав нам руки, энергично забросил на полку свой кожаный саквояж. – Я увидел вас в окно и, естественно, не упустил случая провести время в такой приятной компании.

– Вы нам льстите, – отвечал Торндайк. – Причем настолько искусно, что нам нечего возразить. Но скажите, ради всего святого, что вы забыли в этом Ладхэме?

– У моего брата домик в миле отсюда, и я погостил у него пару дней, – объяснил мистер Боскович. – В Бедхэме пересяду на паромный поезд до Амстердама. А вы куда путь держите? Я вижу на полке ваш загадочный зеленый ящичек, стало быть, опять на тропе войны? Едете раскрывать мрачное и запутанное преступление?

– Нет, мы едем в Уормингтон по весьма прозаическому делу. Я осуществляю надзор над следствием по поручению страховой компании «Гриффин».

– А волшебная шкатулка зачем? – не отставал Боскович.

– Я не выхожу без нее из дома. Никогда не знаешь, что может случиться, поэтому лучше иметь под рукой все необходимое, несмотря на неудобства, связанные с транспортировкой.

Боскович продолжал смотреть на маленький квадратный ящичек, обтянутый холстом. Наконец он произнес:

– Помните загадочное убийство банкира в Челмсфорде? Вы еще тогда поразили полицейских своими методами расследования. С тех пор я все ломаю голову, что там у вас в этой шкатулке?

Добродушно улыбнувшись, Торндайк снял ящик с полки и откинул крышку. По правде говоря, он весьма гордился своей «передвижной лабораторией», которая, несмотря на скромный размер – не больше фута в ширину и четыре дюйма в высоту, – содержала все необходимое для следственных действий.

– Здорово! – воскликнул Боскович, когда увидел набор пузырьков с реактивами, маленькие пробирки, спиртовочку, миниатюрный микроскоп и набор инструментов таких же небольших размеров. – Похоже на кукольный домик – словно смотришь с обратной стороны бинокля. Но эти крохотные предметы действительно работают? Микроскоп, например...

– Он дает хорошее среднее увеличение. На вид игрушка, но на самом деле настоящий прибор с самыми лучшими линзами. Конечно, микроскоп обычного размера был бы удобнее, но ведь его с собой не возьмешь. Тогда пришлось бы обходиться увеличительным стеклом. Со всем остальным то же самое – уж лучше мельче, чем совсем ничего.

Боскович сосредоточенно изучал содержимое ящичка, осторожно трогая инструменты и засыпая Торндайка вопросами об их назначении. Когда через полчаса поезд, подъезжая к станции, замедлил ход, его любопытство было удовлетворено лишь наполовину.

– Господи, да мы уже приехали! – воскликнул он, хватая свой саквояж. – Вы тоже делаете здесь пересадку?

– Да, мы едем в Уормингтон.

Выйдя на перрон, мы поняли, что там происходит что-то необычное. Пассажиры и носильщики сгрудились в конце платформы, вглядываясь в темноту.

– Что-то случилось? – обратился Боскович к контролеру.

– Да, сэр, – ответил тот. – В миле отсюда под товарный поезд попал человек. За ним пошли с носилками. Видите вон там фонарь? Это возвращается начальник станции.

Пока мы смотрели на мелькающий в темноте огонек, от кассы отошел мужчина, сразу присоединившийся к толпе зевак. Мое внимание привлекли два обстоятельства: во-первых, его круглое полное лицо было необычно бледным и на нем застыло какое-то исступленное выражение, и, во-вторых, он с напряженным вниманием вглядывался в темноту, не задавая при этом никаких вопросов.

Раскачивающийся фонарь продолжал приближаться, из темноты появились двое мужчин с носилками, покрытыми брезентом, под которым угадывались очертания человеческого тела. Поднявшись на платформу, они внесли носилки в павильон, и внимание пассажиров переключилось на носильщика, несшего саквояж и зонт, и начальника станции, замыкавшего процессию с фонарем в руке.

Когда носильщик проходил мимо, Боскович подскочил к нему с вопросом:

– Это его зонт?

– Да, сэр, – подтвердил носильщик, останавливаясь и протягивая ему зонт.

– О боже! – ахнул Боскович и резко повернулся к Торндайку: – Могу поклясться, это зонт Бродского. Вы его помните?

Торндайк кивнул, и Боскович снова обратился к носильщику:

– Я узнаю этот зонт. Он принадлежит джентльмену по фамилии Бродский. Если вы заглянете внутрь его шляпы, то увидите это имя. Он всегда помечал свои шляпы.

– Его шляпу пока не нашли, – сообщил носильщик. – Но вот идет начальник станции, он как раз оттуда.

Повернувшись к подошедшему начальнику, носильщик доложил:

– Вот этот джентльмен, сэр, узнал зонт.

– Так вы узнали его, сэр? Тогда, может быть, пройдете в павильон и опознаете тело? – предложил начальник станции.

Боскович испуганно отпрянул.

– А оно... а он... очень изуродован? – нервно спросил он.

– Изрядно. Видите ли, по нему проехал паровоз и шесть вагонов, пока они сумели остановить поезд. Голову снесло начисто.

– Ужас! Ужас! – поперхнулся Боскович. – Если не возражаете, я лучше воздержусь. Вряд ли это необходимо, как вы думаете, доктор?

– Крайне необходимо, – возразил Торндайк. – Раннее опознание очень важно.

– Ну, раз так нужно... – пробормотал Боскович и неохотно последовал за начальником станции; в тот же момент раздался звон колокола, возвещающий о прибытии паромного поезда, опоздание было небольшим. Через несколько секунд бледный испуганный Боскович выскочил из павильона и бросился к Торндайку.

– Это он! – задыхаясь, воскликнул он. – Старина Бродский! Бедняга. Вот кошмар! Мы должны были здесь встретиться, чтобы вместе ехать в Амстердам.

– А он что-нибудь вез с собой? – спросил Торндайк, и мужчина, который привлек мое внимание, придвинулся к нам поближе, словно хотел расслышать ответ.

– Да, какие-то камни у него были, но я не знаю сколько, – ответил Боскович. – Его секретарь наверняка в курсе. Кстати, доктор, вы сможете взять шефство над этим делом? Чтобы знать наверняка, это несчастный случай или... ну, вы понимаете. Мы с ним старые друзья и земляки – оба из Варшавы. Мне бы хотелось, чтобы вы тоже поучаствовали в расследовании.

– Хорошо, – согласился Торндайк. – Я постараюсь убедиться, что все именно так, как кажется на первый взгляд, а потом представлю отчет. Вас это устроит?

– Да, доктор. Это очень великодушно. А вот и поезд. Надеюсь, я не слишком расстроил ваши планы?

– Ничуть. В Уормингтоне нас ждут не раньше полудня, и я надеюсь, что мы успеем во всем разобраться и не опоздать на встречу.

Когда поезд отошел, Торндайк нашел начальника станции и сообщил ему о просьбе Босковича.

– Но, разумеется, мы сначалаждемся полиции. Им уже сообщили?

– Да, я сразу же послал за инспектором, и он должен появиться с минуты на минуту. Пойду его встречу.

Начальник станции явно хотел переговорить с полицейским наедине, прежде чем делать какое-то официальное заявление.

Когда он ушел, мы с Торндайком стали прогуливаться по опустевшей платформе, и мой друг, по своему обыкновению, стал раскладывать все по полочкам.

– В подобном происшествии надо прежде всего определить, с чем мы имеем дело – с несчастным случаем, самоубийством или убийством, причем наше решение должно базироваться на заключениях, выведенных на основе анализа следующих сведений: фактических обстоятельств дела, результатов осмотра тела и данных с места происшествия. В настоящий момент мы знаем только то, что погибший был торговцем бриллиантами, совершавшим поездку особого свойства и предположительно имевшим при себе небольшой, но ценный груз. Эти факты говорят не в пользу самоубийства и скорее свидетельствуют об убийстве. К версии несчастного случая нас могут склонить такие данные, как наличие переезда, дороги или тропы, ведущей к путям, ограждения с проходом или без него или любые другие обстоятельства, объясняющие нахождение погибшего в том месте, где было найдено его тело. Поскольку такими сведениями пока не располагаем, нам следует восполнить этот пробел.

– Почему бы вам не расспросить носильщика, принесшего саквояж и зонт? – предложил я. – Сейчас он общается с контролером и будет рад лишнему слушателю.

– Отличное предложение, Джервис. Посмотрим, что он нам расскажет.

Мы подошли к носильщику, который, как я и предполагал, стремился поделиться подробностями трагического происшествия.

– Дело вот как обстоит, – начал он отвечать на вопрос Торндайка. – В том месте железнодорожное полотно круто заворачивает, и товарняк как раз шел по дуге, когда машинист увидел, что впереди на рельсах что-то лежит. Паровозный фонарь осветил рельсы, и стало ясно, что там человек. Машинист сбросил пар, дернул свисток и дал по тормозам, но, ведь сами знаете, сэр, поезд не сразу останавливается, так что по бедняге проехал паровоз и полдюжины вагонов.

– А машинист видел, как именно лежал человек?

– Да, под фонарем все было видно как на ладони. Он лежал ничком, так что его шея находилась на рельсе. Голова была на полотне, а тело снаружи на откосе. Похоже, он сам лег на рельсы.

– Там поблизости есть переезд?

– Нет, сэр. Ни переездов, ни дорог, ни тропинок – там вообще ничего нет, – с жаром произнес носильщик. – Он, должно быть, прошел по пустырю, перелез через ограду и лег на рельсы. Похоже, хотел распрощаться с жизнью.

– А как об этом узнали на станции?

– Машинист и его помощник, когда стащили тело с рельсов, побежали к ближайшей сигнальной будке и отправили телеграмму. Мне об этом начальник станции сказал, когда мы с ним шли по путям.

Торндайк поблагодарил носильщика, и мы пошли к станционному павильону, на ходу обсуждая полученные сведения.

– Наш друг, несомненно, прав в одном, – заметил Торндайк. – Это не несчастный случай. Человек, если он близорукий, глухой или просто глупец, может перелезть через ограду и попасть под поезд. Учитывая положение тела на рельсах, можно предположить две гипотезы.

тезы: либо это самоубийство, как считает наш носильщик, либо человек был уже мертв или без сознания. Выводы будем делать, когда увидим тело, если, конечно, нас к нему допустит полиция. Вот как раз идут начальник станции и полицейский. Послушаем, что они скажут.

Но эти два официальных лица решили не принимать посторонней помощи. Тело осматривает полицейский врач, и все сведения будут сообщены по обычным каналам. Однако карточка, предъявленная Торндайком, несколько изменила ситуацию. Неуверенно помяв ее в руках и скептически хмыкнув, инспектор тем не менее разрешил нам осмотреть тело, и мы вошли в павильон вслед за начальником станции, который зажег там газовую лампу.

Носилки стояли на полу у стены, их скорбный груз был по-прежнему накрыт брезентом. Рядом на большом ящике лежали саквояж, зонт и раздавленная оправа без стекол.

– Очки были найдены рядом с телом? – поинтересовался Торндайк.

– Да, рядом с головой, а стекло рассыпалось по всему полотну.

Торндайк что-то пометил в записной книжке и, когда инспектор откинул брезент, сосредоточил свое внимание на изувеченном трупе с отрезанной головой. Склонившись над этим жутким объектом, хорошо видимым при свете большого фонаря, который держал инспектор, он с минуту молча изучал его, потом выпрямился и тихо произнес:

– Думаю, две из трех гипотез мы можем отбросить.

Инспектор, быстро взглянув на него, хотел что-то спросить, но тут его внимание переключилось на чемоданчик, из которого Торндайк вынул пару небольших пинцетов.

– Мы не имеем права проводить вскрытие, – запротестовал он.

– Разумеется, нет. Я просто хочу заглянуть к нему в рот.

Оттянув пинцетом губу, Торндайк осмотрел ее внутреннюю сторону и стал скрупулезно изучать зубы.

– Вы не дадите мне свою лупу, Джервис? – обратился он ко мне, и я вручил ему свое складное увеличительное стекло.

Направив фонарь на мертвое лицо, инспектор с интересом склонился над трупом. Торндайк со своей обычной дотошностью медленно провел лупой вдоль неровных зубов и потом внимательно осмотрел верхние резцы. После чего осторожно вынул пинцетом крошечный предмет, застрявший между верхними передними зубами, и поместил его под лупу. Опережая его просьбу, я извлек из чемоданчика предметное стекло и препаровальную иглу. Когда Торндайк поместил предмет на стекло и расправил его иглой, я поставил на ящик его микроскоп.

– Каплю глицерина и покрывное стекло, пожалуйста, – попросил Торндайк.

Я подал ему пузырек. Торндайк капнул на предмет, опустил покрывное стекло и, поместив препарат под микроскоп, стал внимательно его рассматривать.

Взглянув на инспектора, я заметил на его лице слабую усмешку, которую он, поймав мой взгляд, вежливо попытался скрыть.

– Мне кажется, сэр, мы несколько уклонились в сторону, – извиняющимся тоном произнес он. – Нам не так важно знать о его ужине. Он ведь умер не от отравления.

Торндайк с улыбкой поднял на него глаза:

– В таких случаях для следствия нет ничего несущественного. Любой факт может иметь значение.

– Не понимаю, какое значение может иметь диета для человека, которому отрезало голову, – упрямо возразил инспектор.

– В самом деле? Разве нам не интересно знать, что ел человек, умерший насильственной смертью? Вот, например, эти крошки на жилете погибшего. О чем они могут нам рассказать?

– Да ни о чем, – упирался инспектор.

Торндайк собрал пинцетом крошки и, положив на стекло, тщательно рассмотрел их сначала под лупой, а потом под микроскопом.

– Теперь я знаю, что незадолго до смерти погибший ел печенье, скорее всего овсяное.

– Ну и что с того? Нам надо выяснить не что он ел, а какова причина его смерти. Самоубийство? Несчастный случай? Или преступление?

– Простите, но сейчас осталось узнать, кто его убил и с какой целью. Все остальное мне уже ясно.

Инспектор изумленно посмотрел на него:

– Быстро же вы делаете выводы, сэр.

– Но тут имеются все признаки убийства. Что касается мотива, то убитый был торговцем бриллиантами и предположительно имел при себе некоторое количество камней. Я бы на вашем месте обыскал его.

Инспектор презрительно хмыкнул.

– Это всего лишь домыслы. Погибший торговал бриллиантами, имел при себе нечто ценное, значит, его убили.

Он замолчал и, с упреком глядя на Торндайка, добавил:

– Вы должны понимать, сэр, что это следствие, а не конкурс для читателей в дешевой газетке. Я пришел сюда для осмотра тела.

Демонстративно повернувшись к нам спиной, инспектор стал методично выворачивать карманы погибшего, выкладывая найденное на ящик, где уже лежали зонт и саквояж.

Оставив его за этим занятием, Торндайк стал осматривать труп, уделив особое внимание подметкам ботинок, которые он, к нескрываемому изумлению инспектора, стал разглядывать через лупу.

– Мне кажется, сэр, ноги у него достаточно большие, чтобы разглядеть их невооруженным глазом. Но, вероятно, вы несколько близоруки, – съязвил инспектор, бросив взгляд в сторону начальника станции.

Торндайк добродушно усмехнулся и стал рассматривать предметы, выложенные инспектором на ящик. Кошелек и записную книжку он открывать не стал, предоставив это инспектору, а вот очки для чтения, складной нож, футляр для визиток и другую карманную мелочь подверг самому внимательному осмотру. Инспектор иронически наблюдал, как Торндайк поднимает очки к свету, чтобы оценить их преломляющую способность, заглядывает в кисет, изучает водяные знаки на папиросной бумаге и исследует содержимое серебряной спичечницы.

– Что вы надеялись найти в его кисете? – спросил он, выкладывая на ящик связку ключей.

– Табак, – невозмутимо ответил Торндайк. – Но я не ожидал, что там будет мелкая «латакия». Для папирос чистую «латакию» вообще не используют. Я, во всяком случае, такого не встречал.

– Вы очень наблюдательны, сэр, – заметил инспектор, покосившись на начальника станции.

– Согласен. Но в этой коллекции я не вижу бриллиантов.

– А может, их при нем и не было. Мы же не знаем этого наверняка. Зато на нем были золотые часы с цепочкой, бриллиантовая булавка и кошелек... – Инспектор высыпал содержимое кошелька себе на ладонь. – Двенадцать фунтов золотом. На ограбление не похоже. И после всего этого вы продолжаете настаивать на убийстве?

– Мое мнение не изменилось, и я хотел бы увидеть место, где было найдено тело. Паровоз уже осмотрели? – обратился Торндайк к начальнику станции.

– Я телеграфировал в Брэдфилд, чтобы они там на него глянули, – сообщил тот. – Ответ, наверное, уже пришел. Пойду проверю.

Выходя из павильона, мы столкнулись с контролером, держащим в руке телеграмму. Он вручил ее начальнику станции, и тот громко прочел:

– «Я тщательно осмотрел паровоз и обнаружил небольшие пятна крови на ведущем и следующим за ним колесах. Больше ничего не найдено».

Начальник станции вопросительно взглянул на Торндайка. Тот, кивнув, заметил:

– Интересно, насколько это будет соответствовать картине, которую мы увидим на путях.

Озадаченный начальник станции хотел потребовать разъяснений, но инспектор, уже закончивший шарить по карманам погибшего, заторопился, и мы сразу же отправились к месту происшествия. Торндайк нес фонарь, а я – неизменный зеленый чемоданчик.

– Мне не совсем понятно, как вы смогли так быстро сделать вывод? – спросил я своего друга, когда наши спутники ушли вперед. – Что именно склонило вас к версии убийства?

– Одна маленькая, но очень существенная деталь. Вы заметили небольшую ранку над левым виском погибшего? Она поверхностная и вполне могла быть нанесена колесом паровоза. Ранка кровоточила, причем достаточно долго. Кровь, стекавшая двумя струйками, успела свернуться и частично засохнуть. Но ранка, возникшая на отрезанной голове, кровоточить не может. Следовательно, она была нанесена до потери головы. И еще один момент: струйки крови стекали из ранки под прямым углом друг к другу. Первая, судя по ее виду, более ранняя, стекала сбоку по лицу и падала на воротник. Вторая стекала на затылок. Как известно, Джервис, закон тяготения исключений не имеет. Если кровь стекает к подбородку, значит, голова находится в вертикальном положении; если же к затылку, то голова расположена горизонтально, причем лицом вверх. Но ведь когда мужчину увидел машинист, он лежал на рельсах ничком. Единственный возможный вывод – когда эта рана наносилась, мужчина находился в вертикальном положении, то есть сидел или стоял. Потом, еще живой, он какое-то время лежал на спине, так что кровь стекала ему на затылок.

– Понятно. Какой же я тупица, если сам об этом не догадался, – сокрушенно произнес я.

– Наблюдательность и быстрое соображение приходят с практикой, – заметил Торндайк. – А в лице вы что-нибудь заметили?

– Похоже, он страдал от удушья.

– Несомненно. У него на лице все признаки удушья. Вы, вероятно, видели, что язык заметно распух, а на внутренней стороне верхней губы остались глубокие вмятины от зубов и два повреждения вследствие сильного давления на рот. Заметьте, насколько полно эти факты согласуются с раной на голове. Повреждения, которые мы обнаружили, могли возникнуть, если предположить, что погибший получил удар по голове, боролся с нападавшим, был повержен и задушен.

– Кстати, что вы там нашли между зубов? Я не успел заглянуть в микроскоп.

– О, это не только подтвердило мое предположение, но и продвинуло наше следствие вперед. Под микроскопом был виден крохотный клочок какой-то ткани, состоящий из нескольких разных волокон неодинаковой окраски. Основная часть – это шерсть темно-красного цвета, но также имеется синий хлопок и желтый джут. Ткань соткана из цветных нитей и может принадлежать женскому платью, однако присутствие джута говорит скорее в пользу штора или дешевого ковра.

– И что это нам дает?

– Если это не клочок одежды, значит, он от мебельной обивки, то есть предполагается наличие жилища.

– Звучит не очень убедительно, – возразил я.

– Возможно. Однако это весьма ценное дополнительное доказательство.

– Доказательство чего?

– Предположения, на которое наводят ботинки погибшего. Я их скрупулезно изучил, однако не нашел следов песка, гравия или земли, несмотря на то что до железнодорожного полотна ему пришлось добираться через пустырь. Но я обнаружил на подметках табачную золу, темную отметину, похожую на пятно от раздавленного окурка папиросы или сигары, несколько крошек печенья, а за один из гвоздиков зацепилось несколько цветных ворсинок, по всей видимости, от ковра. Это дает основание предположить, что мужчина был убит в доме, где на полу лежал ковер, а уже оттуда его отнесли к путям.

Некоторое время я молчал, поражаясь способностям Торндайка; впрочем, подобное чувство я испытывал всякий раз, когда становился свидетелем его следственных действий. Его удивительное умение сопоставлять, казалось бы, незначительные факты, выстраивать из них логические цепочки и восстанавливать по ним картину преступления всегда приводило меня в восхищение.

– Если ваши умозаключения верны, проблему можно считать решенной. В доме наверняка остались многочисленные улики. Весь вопрос в том, как найти этот дом, – наконец произнес я.

– Да, вопрос именно в этом, и решить его чрезвычайно сложно. Чтобы разгадать загадку, достаточно одного взгляда на интерьер. Но мы же не можем вторгаться в каждый дом, чтобы искать там улики. Наша путеводная нить оборвалась. Ее конец находится в неизвестном нам доме, и если мы не сможем связать обрывки, то останемся ни с чем. Ведь, как вы помните, наша главная цель – ответить на вопрос «Кто убил Оскара Бродского?».

– Так что вы предлагаете?

– На следующем этапе расследования нам необходимо связать убийство с каким-то определенным домом. Для этого я намерен собрать воедино все имеющиеся факты и рассмотреть каждый из них со всех возможных точек зрения. Если я не смогу установить необходимую связь, расследование зайдет в тупик и придется начинать с другого конца, скажем, с Амстердама, если выяснится, что Бродский имел при себе бриллианты, в чем я ни минуты не сомневаюсь.

На этом наша беседа закончилась, поскольку мы пришли на место, где было найдено тело. Инспектор и начальник станции уже осматривали рельсы в свете фонарей.

– Удивительно мало крови, – заметил последний. – Я повидал немало подобных случаев, и всегда было море крови – и на паровозе, и на полотне. Очень странно.

Едва взглянув на рельсы – они его не слишком заинтересовали, – Торндайк осветил фонарем землю с наружной стороны полотна – рыхлую, усыпанную гравием с мелкими включениями мела, – а затем направил свет на подметки инспектора, опустившегося на колени рядом с рельсом.

– Видите, Джервис? – тихо сказал он, и я понимающе кивнул.

К подметкам инспектора прилип мелкий гравий, среди которого виднелись пятна от раздавленных кусочков мела.

– Вы не нашли шляпу? – спросил Торндайк, поднимая с земли короткий обрывок шпагата, валявшийся на земле рядом с рельсом.

– Нет, но она должна быть где-то неподалеку. А вы, я вижу, нашли еще одну ценную улику, сэр, – усмехнулся инспектор, глядя на шпагат.

– Кто знает. Белый шпагат с зеленой ниткой. Возможно, позже он нам кое-что подскажет. В любом случае его стоит сохранить.

Вынув из кармана жестяную коробочку, в которой, среди прочего, находились пакетики для семян, Торндайк положил в один из них обрывок шпагата и подписал пакетик карандашом. Снисходительно улыбнувшись, инспектор продолжил осмотр полотна. Теперь к нему присоединился и Торндайк.

– Похоже, бедняга был близорук, – заметил инспектор, указывая на осколки от очков. – Вероятно, поэтому и забрел на пути.

– Возможно.

Торндайк, уже заметивший осколки, извлек из коробочки еще один пакетик.

– Дайте мне, пожалуйста, пинцет, Джервис. И еще один возьмите себе, чтобы помочь собрать осколки.

Инспектор удивленно поднял глаза:

– Надеюсь, вы не сомневаетесь, что очки принадлежали погибшему? Он точно был очкариком, я видел отметину у него на переносице.

– Почему бы не удостовериться в этом лишний раз? – ответил Торндайк и тихо добавил, обращаясь ко мне: – Соберите все, что найдете, Джервис. Это может нам помочь.

– Не вижу, каким образом, – возразил я, ползая по гравию в поисках мельчайших осколков стекла.

– Неужели? Посмотрите на эти осколки: некоторые из них довольно приличных размеров, а вот те, что на шпале, совсем крошечные. И обратите внимание на их количество. Состояние стекла явно не согласуется с обстоятельствами произошедшего. Это толстые вогнутые линзы, разлетевшиеся на массу мелких осколков. Как же они разбились? Явно не в результате падения: такие линзы при падении разбиваются на несколько крупных кусков. И не паровоз их переехал, иначе они превратились бы в порошок, который обязательно остался бы на рельсах, а там его нет. С оправой та же история: при падении ее повреждения были бы менее значительны, а если бы по ней проехал паровоз, тогда мало бы чего осталось.

– И что вы думаете по этому поводу?

– Состояние оправы говорит о том, что на очки наступили. Но если тело сюда принесли, вполне возможно, что и очки тоже, причем они были уже разбиты. Скорее всего, на них наступили, но не здесь, а раньше, во время борьбы. Поэтому так важно собрать каждый кусочек.

– Но почему? – никак не мог понять я.

– Если мы соберем все осколки, которые сможем найти, и окажется, что их меньше, наша гипотеза найдет подтверждение и недостающие следует искать совсем в другом месте. Если же осколков наберется точно на две линзы, значит, очки были разбиты здесь.

Пока мы собирали осколки, официальные лица кружили с фонарями вокруг путей в надежде обнаружить шляпу. Когда все осколки были найдены и дальнейшие поиски с помощью лупы уже не приносили результатов, мы увидели, что блуждающие огоньки фонарей удалились на весьма приличное расстояние.

– Пока наши друзья не вернулись, мы можем рассмотреть наш улов, – предложил Торндайк. – Поставьте чемоданчик на траву у ограды – он послужит нам столом.

Достав из кармана письмо, Торндайк разложил его на чемоданчике и прижал парой камней, хотя ночь была безветренной. Потом он высыпал на бумагу содержимое пакетика и, тщательно разровняв осколки, какое-то время молча изучал их. Вдруг на лице его появилось какое-то странное выражение, и он стал энергично выбирать крупные осколки, раскладывая их на две карточки, вынутые им из футляра. После чего начал быстро и ловко складывать осколки вместе, пока на карточках не появились очертания восстановленных линз. Я с растущим волнением наблюдал за его манипуляциями: что-то подсказывало мне, что мы находимся на пороге открытия.

Через некоторое время на карточках появились два стеклянных овала, в которых не хватало всего лишь пары мелких осколков. Оставшиеся фрагменты были столь незначительными, что дальнейшая реконструкция не представлялась возможной. Торндайк поднял голову и тихо рассмеялся.

– Довольно неожиданный результат, – объявил он.

– А в чем дело?

– Разве вы не видите, друг мой? Здесь слишком много стекла. Мы почти полностью собрали линзы, а осколков осталось гораздо больше, чем требуется, чтобы заполнить пустоты. Взглянув на кучку мелких осколков, я понял, что он прав. Они явно были лишними.

– Удивительно. И как вы это объясните?

– Ответ нам подскажут сами осколки, если мы сумеем найти к ним подход.

Торндайк снял карточки с линзами и осторожно опустил их на землю. Вынув из чемоданчика микроскоп, он установил на нем объектив с десятикратным увеличением и поместил

на предметное стекло оставшуюся стеклянную мелочь. Направив на нее свет фонаря, мой друг стал сосредоточенно смотреть в окуляр.

– Ха! – наконец воскликнул он. – Интрига усложняется. Стекла здесь одновременно и много и мало. Иными словами, очкам принадлежит лишь пара осколков, которых явно недостаточно, чтобы полностью воссоздать линзы. Остальное – это мягкое, неровное формованное стекло, не имеющее ничего общего с твердым оптическим. Все эти посторонние осколки имеют изогнутую форму, что указывает на то, что они были частью цилиндра, скорее всего стакана или бокала.

Немного переместив предметное стекло, Торндайк продолжал:

– Нам повезло, Джервис. На одном из осколков видны две расходящиеся гравированные линии, образующие острие восьмиконечной звезды. А на другом я вижу три точки – скорее всего, это концы трех лучей. По ним мы можем судить о характере сосуда. Это был тонкий прозрачный стакан со звездами. Я думаю, вам знаком этот узор. Иногда его дополняет ободок с орнаментом, но чаще наносят одни звезды. Вот, взгляните.

Не успел я приложить глаз к окуляру, как появились инспектор с начальником станции. Вид мужчин, сидящих на земле с микроскопом, чрезвычайно развеселил инспектора, и он, уже не скрываясь, расхохотался.

– Извините, джентльмены, но такому тертому калачу, как я, все это кажется немного... ну, вы понимаете. Микроскоп – вещь, конечно, занимательная, но здесь от него мало толку, верно?

– Возможно, – не стал спорить Торндайк. – Кстати, вы нашли шляпу?

– Нет, ее не обнаружили, – признался инспектор.

– Тогда мы поможем вам в дальнейших поисках, если чуточку подождете.

Торндайк капнул на карточки немного ксилола, чтобы зафиксировать осколки в собранных линзах, и убрал их вместе с микроскопом в чемоданчик, после чего объявил, что мы готовы идти.

– Здесь рядом есть какое-нибудь жилье? – спросил он у начальника станции.

– Ближе Корфилда ничего нет, а до него около полумили.

– А где проходит ближайшая дорога?

– В трехстах ярдах отсюда есть заброшенная дорога, которую прокладывали к дому, который так и не построили. От нее к станции ведет тропинка.

– А еще какие-нибудь дома там есть?

– Только один, и от него до ближайшего жилья не меньше полумили. А других дорог здесь нет.

– Есть вероятность, что Бродский шел отсюда, ведь его нашли с этой стороны путей.

Инспектор согласился, и мы последовали за начальником станции к дому, попутно разглядывая землю у себя под ногами. Пустырь, по которому мы шли, зарос щавелем и крапивой. Надеюсь найти шляпу, инспектор шарил фонарем по каждому пригорку и ворошил заросли носком ботинка. Через триста ярдов мы подошли к низкой ограде, за которой был виден сад с небольшим коттеджем. Инспектор стал яростно пинать крапиву, росшую у забора. Внезапно что-то звякнуло, послышался вопль, и инспектор, поджав ногу, отскочил, оглашая воздух проклятиями.

– Какой идиот бросил в крапиву эту дрянь! – возмутился он, потирая ушибленную ногу.

Торндайк поднял с земли металлический прут толщиной в три четверти дюйма и длиной около фута.

– Похоже, он здесь недавно, – заметил он, внимательно рассматривая прут в свете фонаря. – На нем совсем нет ржавчины.

– Мне от этого не легче, – проворчал инспектор. – По башке бы съездить того придурка, который бросил сюда эту железку.

Не обращая внимания на страдания инспектора, Торндайк продолжал рассматривать прут. Потом он поставил фонарь на ограду, вынул лупу и продолжил свое занятие с удвоенным усердием. Разъяренный инспектор захромал прочь, и вскоре мы услышали, как он отчаянно колотит в ворота.

– Будьте любезны, подайте мне предметное стекло с капелькой раствора, – попросил меня Торндайк. – К пруту прилипли какие-то волокна.

Подготовив необходимое, я передал его Торндайку вместе с пинцетом, иглой и покрывным стеклом и установил на садовой ограде микроскоп.

– Сочувствую инспектору, – заметил Торндайк, заглядывая в окуляр. – Но для нас это был поистине счастливый удар. Взгляните в микроскоп.

Расположив предметное стекло так, чтобы рассмотреть весь образец, я сообщил свое мнение:

– Красная шерсть, синий хлопок и желтые растительные волокна, похожие на джут.

– Все правильно. Та же комбинация волокон, что и на кусочке, застрявшем между зубами трупа, и, вероятно, из того же источника. Похоже, этот прут вытирали о ковер или штору, которой удушили беднягу Бродского. Мы в любом случае должны проникнуть в этот дом. Слишком явная улика, чтобы ею пренебречь.

Быстро упаковав чемоданчик, мы поспешили к воротам, где увидели обоих должностных лиц, задумчиво глядящих на заброшенную дорогу.

– В доме горит свет, но там никого нет, – сообщил инспектор. – Я уже много раз стучал, но никто не отзывается. И вообще, что мы здесь забыли? Шляпа, вероятно, лежит неподалеку от того места, где был найден труп, и утром мы ее обязательно разыщем.

Торндайк молча вошел в сад и, подойдя к двери дома, тихо постучал и приложил ухо к замочной скважине.

– Я же сказал, сэр, что там никого нет, – раздраженно бросил инспектор и, видя, что реакции не последовало, пошел прочь, сердито бормоча себе под нос.

Как только он отошел, Торндайк стал шарить лучом фонаря по двери, порогу, тропинке и небольшим клумбам, с одной из которых он поднял какой-то предмет.

– Весьма ценная улика, Джервис, – объявил он, выходя из ворот и показывая мне недокуренную папиросу.

– Что же в ней ценного? Что она нам дает?

– Очень многое. Ее зажгли и кинули недокуренной, что говорит о внезапной перемене планов. Она брошена у входа в дом, значит, куривший собирался туда войти. Он не был знаком с хозяином, иначе прошел бы в дом с папиросой. Сначала этот человек вообще не намеревался входить на участок, иначе не стал бы закуривать перед воротами. Это, конечно, общие предположения, а теперь перейдем к деталям. Папиросная бумага известной марки «Зигзаг», водяные знаки видны очень четко. У Бродского была обнаружена пачка папиросной бумаги той же марки. Посмотрим, какой там табак.

Вытащив из лацкана булавку, Торндайк вытащил из папиросы кусочек темно-коричневого табака и показал мне.

– Мелкая «латакия», – не колеблясь, определил я.

– Прекрасно. Перед нами папироса с табаком, точно таким же, как в кисете Бродского, причем свернута она из необычной бумаги, имевшейся в пачке, найденной у Бродского. Руководствуясь правилом силлогизма, я могу предположить, что данная папироса была свернута Оскаром Бродским. Тем не менее мы будем искать подкрепляющие улики.

– А что это?

– Как вы могли заметить, Бродский пользовался круглыми деревянными спичками, которые и были обнаружены в его коробке. Такие спички тоже не вполне обычны. Поскольку он

зажег папиросу где-то рядом с воротами, мы можем попытаться найти там обгоревшую спичку. Давайте посмотрим на дороге, по которой он, видимо, и пришел.

Мы медленно пошли по дороге, освещая фонарями землю, и буквально через несколько шагов я обнаружил валявшуюся в грязи спичку. Быстро подняв ее, я увидел, что она круглая и деревянная.

С интересом осмотрев спичку, Торндайк положил ее вместе с папиросой в свою коробочку для вещественных доказательств.

– Теперь уже нет сомнений, Джервис, что Бродский был убит здесь. Нам удалось связать это место с преступлением, так что осталось лишь проникнуть в дом и найти там другие улики.

Мы пошли вдоль ограды и на ее противоположной стороне обнаружили инспектора, недовольно беседующего с начальником станции.

– Думаю, сэр, нам пора возвращаться, – заявил он. – Мне вообще непонятно, зачем мы сюда забрели, но... Эй, сэр, остановитесь!

Торндайк, чуть подпрыгнув, закинул свою длинную ногу на забор.

– Я не разрешаю вам вторгаться в личные владения, сэр! – продолжал инспектор, но Торндайк уже преодолел ограду и смотрел на инспектора с другой стороны.

– А теперь послушайте меня, инспектор. Есть все основания полагать, что Бродский перед смертью был в доме, и я готов поклясться в этом. Сейчас важно не упустить время, мы должны идти по горячему следу. Я не предлагаю вам вламываться в дом. Мне нужно только проверить мусорный бак.

– Мусорный бак! – поперхнулся инспектор. – Нет, вы действительно джентльмен со странностями! Что же хотите там найти?

– Разбитый стакан или бокал. Тонкий, с узором из маленьких восьмиконечных звездочек. Он может быть в мусорном баке или в доме.

Инспектор колебался, но уверенность Торндайка произвела на него впечатление.

– Мы, конечно, можем покопаться в мусоре, хотя какое отношение разбитый стакан имеет к нашему делу, я ума не приложу. Это выше моего понимания. Ну, да ладно, идем.

Он перелез через ограду, и за ним последовали мы с начальником станции.

Торндайк чуть задержался у ворот, осматривая землю, а официальные лица торопливо пошли по тропинке. Не найдя ничего интересного, доктор направился к дому, внимательно оглядываясь по сторонам. На полдороге мы услышали взволнованный голос инспектора:

– Скорее сюда, сэр!

Поспешив в том направлении, мы обнаружили наших должностных лиц, с изумленным видом склонившихся над мусорной кучей. Свет их фонарей освещал осколки тонкого узорчатого стекла, сверкающие среди мусора.

– Не представляю, сэр, как вы догадались, что они здесь есть, – произнес инспектор с ноткой уважения в голосе. – Но зачем они вам, я понять не могу.

– Это всего лишь одно звено в цепи доказательств, – пояснил Торндайк, доставая пинцет и склоняясь над мусорной кучей. – Возможно, мы найдем здесь кое-что еще.

Он поднял несколько кусочков стекла и, рассмотрев их, бросил обратно в кучу. Внезапно внимание доктора привлек маленький осколок, валявшийся в самом низу. Подхватив стекло пинцетом, Торндайк стал пристально разглядывать его под лупой.

– Да, это именно то, что я искал, – произнес он наконец. – Дайте мне те две карточки, Джервис.

Я вынул визитные карточки с восстановленными линзами очков и, поместив их на чемоданчик, осветил фонарем. Торндайк некоторое время изучал их, поглядывая на осколок, который он держал пинцетом. Потом повернулся к инспектору и спросил:

– Вы видели, как я поднял этот осколок из мусорной кучи?

– Да, сэр, – ответил тот.

- Вы знаете, где мы обнаружили осколки от разбитых очков и кому они принадлежали?
- Да, сэр. Они принадлежали погибшему и найдены рядом с телом.
- Отлично. А теперь посмотрите сюда.

Когда Торндайк вставил найденный осколок в дырочку на одной из линз и чуть нажал на него, тот точно вошел в нее, полностью совпав с соседними осколками. Инспектор с начальником станции изумленно раскрыли рты.

– Бог ты мой! – воскликнул полицейский. – Как же вы догадались?

– Позже я все вам объясню. А пока мы должны осмотреть дом. Надеюсь найти там растоптанную папиросу или, может быть, сигару, овсяное печенье, деревянную спичку и даже пропавшую шляпу.

При упоминании шляпы инспектор ринулся к задней двери, но, обнаружив там засов, решил толкнуться в окно. Оно также оказалось запертым, и мы, по совету Торндайка, обошли дом, чтобы попытаться войти в переднюю дверь.

– Она тоже заперта, – сообщил инспектор. – Боюсь, нам придется ее взломать. Весьма неприятная ситуация.

– Проверьте окно, – предложил Торндайк.

Инспектор последовал его совету, безрезультатно пытаясь открыть задвижку складным ножом.

– Не выходит, – пожаловался он, возвращаясь к двери. – Нам все-таки придется...

Он осекся, изумленно взирая на открытую дверь, в то время как Торндайк что-то опустил в карман.

– Ваш дружок не теряет времени даром, вот и дверь успел вскрыть, – заметил инспектор, обращаясь ко мне, когда мы вслед за Торндайком входили в дом.

Однако вскоре его критический настрой в очередной раз сменился изумлением. Мы вошли в небольшую гостиную, чуть освещенную газовой лампой. Торндайк прибавил газ и осмотрелся. На столе стояли бутылка виски, сифон, стакан и коробка печенья. Указав на нее, Торндайк скомандовал:

– Взгляните, что там в ней.

Приоткрыв крышку, инспектор посмотрел внутрь, начальник станции заглянул через его плечо в коробку, и затем они оба уставились на Торндайка.

– Во имя всего святого, сэр, как вы узнали, что в доме есть овсяное печенье? – воскликнул начальник станции.

– Вас разочарует мой ответ. Посмотрите теперь сюда.

Он указал на камин, в котором лежала недокуренная раздавленная папироса и круглая деревянная спичка. Инспектор пораженно уставился на эти предметы, в то время как начальник станции продолжал смотреть с суеверным благоговением на Торндайка.

– У вас с собой личные вещи покойного? – спросил мой коллега.

– Да, я положил их в карман для надежности.

– Тогда давайте взглянем на кисет, – предложил Торндайк, поднимая расплюснутую папиросу.

Когда инспектор вынул и открыл кисет, Торндайк осторожно разрезал папиросу своим острым карманным ножом.

– Итак, какой табак в кисете покойного? – спросил он.

Инспектор взял щепотку и, посмотрев на табак, с отвращением понюхал.

– Эта какая-то вонючая смесь, скорее всего «латакия».

– А здесь что у нас? – поинтересовался мой друг, указывая на вскрытую папиросу.

– Да то же самое.

– Теперь давайте посмотрим, какая папиросная бумага у него в пачке.

Инспектор извлек из кармана небольшую книжечку и вырвал из нее один листок.

– На обоих водяной знак «Зигзаг», тут ошибки быть не может, – заявил инспектор. – Эту папиросу свертывал погибший, это абсолютно точно.

Торндайк положил рядом полуобгоревшую бумагу от папиросы, и инспектор поднес их к свету.

– Еще один момент, – продолжал Торндайк, выкладывая на стол обгоревшую деревянную спичку. – У вас ведь есть его спичечница?

Инспектор вытащил маленькую серебряную коробочку, сравнил лежавшие там спички с обгоревшим экземпляром и со щелчком захлопнул спичечницу.

– Ваша взяла. Если мы найдем шляпу, считайте, дело сделано.

– Мне кажется, мы уже ее нашли. Вы заметили, что в камине горел не только уголь?

Резво подбежав к камину, инспектор стал лихорадочно ворошить золу.

– Зола еще теплая, и в ней не только уголь. Там еще горело дерево, а вот маленькие черные комочки явно другого происхождения. Возможно, это остатки сгоревшей шляпы, но разве сейчас поймешь? Вы, конечно, можете сложить осколки разбившихся очков, но шляпу из золы вряд ли восстановите.

С сожалением взглянув на Торндайка, инспектор протянул ему пригоршню черных ноздреватых угольков, и тот разложил их на листе бумаги.

– Шляпу, конечно, восстановить я не в силах, – согласился мой друг. – Но мы можем установить происхождение этих угольков. Возможно, они вообще не от шляпы.

Он зажег восковую спичку и поднес пламя к одному из кусочков. Черная шлакообразная масса тотчас же с шипением расплавилась и задымилась, наполняя воздух едким запахом резины и какого-то вещества животного происхождения.

– Похоже на лак, – заметил начальник станции.

– Да, это шеллак, так что первый тест дал нам положительный результат. Следующий потребует немного больше времени.

Торндайк извлек из своего чемоданчика небольшую колбу с воронкой и отводной трубкой, складной треножник, спиртовку и асбестовую сетку. Бросив в колбу несколько спекшихся угольков, налил туда спирт, взял треножник, положил сверху асбестовую сетку и поставил на нее колбу. Зажег под треножником горелку и стал ждать, пока не закипит спирт.

– А пока мы можем еще кое-что проверить, – сказал он, когда в колбе побежали пузырьки. – Дайте-ка мне предметное стекло с каплей глицерина, Джервис.

Пока я готовил стекло, Торндайк вытащил пинцетом несколько волокон из скатерти.

– Похоже, мы уже знакомы с этой тканью, – заметил он, помещая клочок на предметное стекло и устанавливая его под микроскопом. – Да, вот они, наши старые знакомые: красные шерстяные волокна, синие хлопчатобумажные и желтые джутовые. Надо их пометить, иначе мы спутаем их с другими образцами.

– И как, по-вашему, был убит покойный? – спросил инспектор.

– Я считаю, что убийца заманил его в дом и угостил. Хозяин сидел на том самом стуле, где сейчас находитесь вы, а Бродский расположился вот в этом маленьком кресле. Потом убийца напал на него с тем прутом, который нашли в крапиве, но не смог убить с первого удара. Завязалась борьба, и в конце концов Бродский был задушен скатертью. Есть еще одна деталь. Вы узнаете этот обрывок шпагата?

Торндайк вынул из своей коробочки кусочек шпагата, найденный им у рельсов. Инспектор кивнул.

– Обернитесь, и вы увидите, откуда он взялся.

Посмотрев назад, полицейский обнаружил моток белого шпагата, лежащий на каминной доске. Отмотав небольшой кусок, Торндайк сравнил его с обрывком, который держал в руке.

– Они оба с зеленой ниткой, что значительно облегчает опознание. Убийца использовал шпагат, чтобы связать саквояж и зонт. В руках он их нести не мог, так как тащил на себе труп. Однако, наш препарат уже готов.

Торндайк снял колбу с треножника и, энергично встряхнув, посмотрел на ее содержимое через лупу. Спирт стал темно-коричневым и приобрел густую консистенцию.

– Думаю, для общего анализа достаточно, – заметил он, вынимая из чемоданчика пипетку и предметное стекло.

Взяв со дна немного спирта, Торндайк капнул им на предметное стекло, положил сверху покрывное и поместил под микроскоп. Мы молча наблюдали, как он приткнулся к окуляру. Наконец Торндайк поднял глаза и, обращаясь к инспектору, спросил:

– Вы знаете, из чего делают фетровые шляпы?

– Точно не скажу.

– Лучший фетр делают из кроличьей и заячьей шерсти, точнее, из мягкого подшерстка, который пропитывают шеллаком. В этих угольках явно содержится шеллак, а под микроскопом видны крошечные волоски кроличьей шерсти. Поэтому я без колебаний могу утверждать, что это то, что осталось от жесткой фетровой шляпы. Следов краски я не обнаружил, так что шляпа, по всей видимости, была серой.

В этот момент наше тайное совещание было прервано торопливыми шагами по садовой тропинке, и в комнату влетела женщина.

Застыв от изумления, она молча смотрела на нас, а потом возмущенно произнесла:

– Кто вы? Что вы здесь делаете?

Ей навстречу поднялся инспектор.

– Я полицейский, мадам. А вы, простите, кто?

– Я экономка мистера Хиклера.

– А мистер Хиклер скоро придет?

– Нет. Он только что уехал на паромном поезде.

– В Амстердам? – предположил Торндайк.

– Полагаю, что так, хотя вам-то какое до этого дело?

– Он, вероятно, торгует бриллиантами? Этим поездом обычно ездят торговцы драгоценностями.

– Так оно и есть. Он и вправду имеет дело с бриллиантами.

– Ах так. Нам пора идти, Джервис. Здесь мы все закончили, а нам еще надо поискать гостиницу. Можно вас на минуточку, инспектор?

Инспектор полиции, окончательно смирившись, последовал за нами в сад, чтобы выслушать там напутственное слово Торндайка.

– Сразу же займитесь домом и постарайтесь избавиться от экономки. Все должно оставаться на своих местах. Сохраните золу и угли, проследите, чтобы мусорную кучу никто не трогал. И, самое главное, не позволяйте мести пол. Вам на помощь пришлют еще одного полицейского.

Дружески распрощавшись, мы ушли в сопровождении начальника станции, и на этом наше участие в расследовании закончилось. Хиклер (которого, как выяснилось, звали Сайласом) был арестован, как только он сошел с корабля; при нем был найден пакетик с бриллиантами, принадлежавшими Оскару Бродскому. Но перед правосудием Сайлас Хиклер так и не предстал: когда судно приблизилось к английскому берегу, он сумел ускользнуть от охраны, и его дальнейшая судьба стала известна лишь через три дня, когда на пустынном берегу у Офорднесса было обнаружено бездыханное тело в наручниках.

– Драматичный, но закономерный конец вполне обычного дела, – заключил Торндайк, откладывая газету. – Надеюсь, Джервис, оно существенно обогатило ваш жизненный опыт и позволило сделать несколько полезных выводов.

– Предпочитаю слушать ваши медико-криминалистические заповеди, – ответил я, иронично усмехаясь.

– Не сомневаюсь, – ответил он насмешливо. – Однако меня весьма печалит ваше нежелание проявлять умственную активность. Тем не менее вот основные постулаты, которые следуют из этого дела. Первое – медлить очень опасно. Надо сразу же действовать, пока такая хрупкая и быстротечная вещь, как ключ к разгадке, не исчезла навсегда. Проволочка в несколько часов может лишить нас всех улик. Второе – необходимо тщательно анализировать даже самую тривиальную улику, прослеживая ее до логического конца, как в случае с очками. Третье – полиция при расследовании должна опираться на научную базу, привлекая соответствующих специалистов, и последнее, – заключил Торндайк с улыбкой. – Никогда не следует расставаться с зеленым чемоданчиком.

Часть II Преступный талант

Глава 1 Убийство мистера Пратта

Виноторговец, который вместо марочного вина, заказанного и оплаченного клиентом, пытается всучить ему дешевый ординарный напиток, должен быть готов к самым нелестным комментариям в свой адрес. Мало того, за подобного рода действия он рискует понести ответственность. С моральной точки зрения его поведение мало чем отличается от действий железнодорожной компании, взявшей с пассажира плату за проезд в первом классе и навязавшей ему попутчиков, которых он всеми силами стремился избежать, за что и платил по повышенному тарифу. Но корпоративная совесть, по утверждению Герберта Спенсера, существенно недотягивает до совести индивида.

Так рассуждал мистер Руфус Пембери, когда на станции Мейдстоун проводник привел в его купе плотного грубоватого мужчину (по виду типичного пассажира третьего класса). Он ведь заплатил немалые деньги не за мягкие диваны, а за возможность путешествовать в уединении или, по крайней мере, в обществе приличных джентльменов. Появление столь неотесанного господина лишило мистера Пембери подобной возможности и крайне раздосадовало.

Но если присутствие подобного соседа лишь нарушало правила, то его поведение было в высшей степени возмутительным: как только поезд тронулся, мужчина бесцеремонно устался на своего попутчика тяжелым немигающим взглядом полинезийского идола.

Это приводило в замешательство и было оскорбительным. Мистер Пембери заерзал на диване, чувствуя, как в нем закипает гнев. Он заглянул в свою записную книжку, прочитал пару писем и перетасовал колоду визитных карточек. У него даже мелькнула мысль открыть зонтик и отгородиться от нахала. Наконец терпение его истощилось, а гнев достиг точки кипения. Он повернулся к незнакомцу и холодно произнес:

– Вы, вероятно, с легкостью узнаете меня, если нам случится встретиться вновь – не приведи господь.

– Я узнаю вас даже из десяти тысяч, – последовал ответ, столь неожиданный, что мистер Пембери на мгновение потерял дар речи.

– У меня память на лица, я помню всех, кого видел, – со значением произнес незнакомец.

– Весьма ценное качество, – заметил мистер Пембери.

– И очень полезное для меня. Во всяком случае, оно мне здорово пригодились, когда я работал тюремщиком в Портленде. Вы ведь меня наверняка помните. Моя фамилия Пратт, и я был помощником тюремного надзирателя, когда вы там сидели. Чертова дыра этот Портленд, и я всегда радовался, когда меня посылали в город для опознания. Тогда предварительное заключение находилось в Холлоуе, это уж потом они переехали в Брикстон.

Пратт прервал свои воспоминания, и ошеломленный Пембери с трудом взял себя в руки.

– Вы, вероятно, обознались, – возразил он.

– Ну, уж нет. Вы Фрэнсис Доббс. Двенадцать лет назад сбежали из тюрьмы. На следующий день вашу одежду прибило к берегу. Беглеца так и не нашли. Смылся подчистую. Но в картотеке осталась парочка фотографий и отпечатки пальцев. Хотите посмотреть?

– С какой стати?

– Да, и вправду, к чему это вам? Вы ведь человек состоятельный, и небольшой капиталец, оформленный на нужного человека, может избавить вас от такой необходимости.

Пембери пару минут молча смотрел в окно. Потом резко повернулся к Пратту:

– Сколько вы хотите?

– Полагаю, пара сотен в год вам вполне по карману.

Пембери немного подумал и спросил:

– А почему вы решили, что я человек состоятельный?

Пратт недобро усмехнулся:

– Черт, да я все про вас знаю, мистер Пембери. Последние полгода я жил в полумиле от вашего дома.

– Что за вздор!

– А вот и нет. Когда я ушел со службы, генерал О'Горман нанял меня присматривать за своим поместьем в Бейсфорде – сам он появлялся там довольно редко. В первый же день я наткнулся на вас и сразу узнал, но виду не подал. Решил сначала выяснить, имеете ли наличность, ну, и оказалось, что пара сотен вам вполне по силам.

Установилось молчание, которое вскоре было прервано бывшим тюремщиком:

– Вот что значит иметь хорошую память на лица. Возьмем того же Джека Эллиса. Вы пару лет жили прямо у него под носом, а он и в ус не дул. Ну пусть себе отдыхает, – добавил Пратт, уже сожалея о том, что, поддавшись тщеславию, позволил себе излишнюю откровенность.

– А кто такой Джек Эллис? – осведомился Пембери.

– Да что-то вроде внештатного сыщика в полицейском участке Бейсфорда. Кое в чем им помогает, разнохивает, и все такое. Он служил конвоиром в Портлендской тюрьме, как раз в те времена, когда вы там сидели, но ему оторвало указательный палец, и его отправили на пенсию. Поскольку Джек родом из Бейсфорда, его там и пристроили. Но не бойтесь, он вас не узнает.

– Если только вы меня не продадите.

– Нет, к чему мне это? – засмеялся Пратт. – Можете не сомневаться, буду сидеть тихо и не высовываться. И потом мы с ним не очень-то ладим. Он стал увиваться за нашей горничной – и это женатый человек, подумать только! Но я его быстренько выставил, и теперь Джек Эллис имеет на меня зуб.

– Понимаю, – задумчиво произнес Пембери и после некоторой паузы спросил: – А кто такой генерал О'Горман? Мне это имя кажется знакомым.

– И правильно. Он был начальником тюрьмы в Дартмуре, когда я там служил – как раз перед отставкой, – и вот что я вам скажу: если бы вы сидели при нем, нипочем не сбежали бы, это уж точно.

– Почему?

– Генерал обожал ищеек и держал в Дартмуре целую свору. Заключение об этом знали и даже не пытались бежать. У них просто не было шансов.

– Он и сейчас держит собак?

– Да, и все время их натаскивает. Все надеется, что в наших местах кого-нибудь ограбят или убьют и он сможет испытать собак в деле. Но пока ничего такого у нас не случилось. Видно, жулики прознали про этих псов. Но ближе к делу. Как насчет двух сотен в год с выплатой раз в квартал?

– Мне надо подумать.

– Отлично. Я возвращаюсь в Бейсфорд завтра вечером. У вас будет целый день на раздумья. Не возражаете, если я загляну к вам завтра вечерком?

– Нет, дома нам лучше не встречаться. Обсудим все в каком-нибудь укромном месте, чтобы нас никто не видел вместе. Это ведь не займет много времени, а осторожность никогда не помешает.

– Это верно, – согласился Пратт. – Тогда вот что. К нашему дому ведет аллея, вы ее наверняка знаете. Сторожки у ворот нет, и их запирают только ночью. Я приезжаю в Бейсфорд

в шесть тридцать. До дома идти минут пятнадцать. Так что ждите меня в аллее без пятнадцати семь.

– Согласен, если там не будут рыскать генеральские ищайки.

– Да что вы! – засмеялся Пратт. – Разве генерал допустит, чтобы его драгоценные собачки бегали без присмотра, чтобы любой жулик мог подсунуть им отравленную колбасу. Нет, их содержат в вольерах позади дома. Ага! Мы уже подъезжаем к Свонли. Я пойду в вагон для курящих, а вы пока как следует все обмозгуйте. Пока. Завтра вечером в аллее, без четверти семь. И вот что, мистер Пембери, принесите с собой первый взнос – пятьдесят фунтов мелкими купюрами или золотом.

– Договорились, – бесстрастно проговорил мистер Пембери, но румянец на щеках и злой огонек в глазах выдавали его истинные чувства.

Все это не укрылось от бывшего тюремщика, который, уже выйдя за дверь, вдруг просунул голову в окошко и угрожающе произнес:

– И вот еще что, мистер Пембери-Доббс: не вздумайте меня надуть. Я тертый калач и повидал вашего брата. Так что никаких штук. До встречи.

С этими словами он удалился, оставив Пембери в нелегких раздумьях.

Характер его мыслей был таков, что если бы какой-нибудь телепат мог бы транслировать их в голову мистера Пратта, то бывший страж порядка был бы немало удивлен и в сердце закрался холодок. Его опыт общения с преступниками ограничивался лишь тюрьмой, что несколько исказило представление об их поведении на воле. Короче говоря, бывший тюремщик сильно недооценил способности беглого узника.

Руфус Пембери – именно так его звали на самом деле, а «Доббс» был псевдоним – обладал недюжинным умом и твердостью духа. Причем эти качества были в нем так сильны, что, начав криминальную карьеру и быстро убедившись в ее бесперспективности, он решительно порвал со своим прошлым. На судне для перевозки скота, подобравшем его у мыса Портленд, он прибыл в один из американских портов. Употребив всю свою энергию и способности на то, чтобы успешно заняться легальным бизнесом, Руфус Пембери через десять лет смог вернуться в Европу с приличным состоянием. Купив небольшой домик на окраине захолустного городка, он скромно жил два года на свои сбережения, держась в стороне от местного общества. И мог бы мирно прожить там до конца своих дней, если бы не злой рок, приведший в эти места злополучного Пратта. Имея его под боком, о безопасности можно забыть. Ведь шантажист личность ненадежная. С ним невозможны никакие прочные договоренности, и все его обещания ничего не стоят. Предмет торга остается у него в руках, и он склонен регулярно повышать цену, беря плату за свободу, оставляя ключи от кандалов у себя в кармане. Короче, шантажист – это совершенно невыносимый тип.

Таковыми были мысли Руфуса Пембери, возникшие еще в тот момент, когда Пратт делал ему свое абсолютно неприемлемое предложение. Совет бывшего тюремщика «как следует все обмозговать» был совершенно излишним. Пембери уже все решил, причем в тот самый момент, когда Пратт раскрыл карты. Вывод напрашивался сам собой. До появления Пратта он жил в мире и покое. Существование свидетеля угрожает его свободе и благополучию. Если же Пратт исчезнет, опасность минует и все пойдет по-старому. Следовательно, его надо устранить.

Очень простая логика.

Все оставшееся время Пембери был погружен в размышления, никак не связанные с ежеквартальными выплатами шантажисту. Ход его мыслей был целиком направлен на устранение бывшего тюремщика.

Надо сказать, что Руфус Пембери по натуре не был жесток и беспощаден, скорее ему присущ некий утонченный цинизм, лишенный банальных сантиментов и принимающий во внимание лишь здравый смысл. Если над его чаем кружилась оса, он, не колеблясь, давил ее,

но отнюдь не голой рукой. У ос имеется жало, которое они подчас пускают в дело. А его задача – избежать укуса.

Так и с Праттом. Этот человек из соображений собственной выгоды посягнул на свободу Пембери. Ну что же, значит, он взял на себя определенный риск. Это его личное дело. Пембери же заботило лишь собственное благополучие.

Выйдя на станции Чаринг-кросс, Пембери направился в сторону Стрэнда, где на Бэкин-гем-стрит располагалась небольшая частная гостиница. Его уже ждали: женщина-портье, приветливо улыбнувшись, вручила ему ключ от номера.

– Вы надолго у нас, мистер Пембери? – поинтересовалась она.

– Нет, завтра утром я уеду, но, вероятно, скоро вернусь. Помнится, у вас была энциклопедия. Можно мне ее посмотреть?

– Она в гостиной. Вас проводить? Впрочем, вы и сами знаете, куда идти.

Конечно, мистер Пембери знал, куда идти. Гостиная была на втором этаже – старомодный зал, выходящий на тихую улочку. В ней были полки с книгами, где помимо романов стояли солидные тома энциклопедии Чемберса.

Стороннему наблюдателю вряд ли показалось бы странным, что джентльмен из сельской местности интересуется статьей «Охотничьи собаки». Но когда от «Гончих» он перешел к «Крови», а затем к «Ароматическим веществам», этот наблюдатель мог бы почувствовать легкое удивление. Оно, несомненно, возрастало бы, если проследить дальнейшие действия мистера Пембери, рассматривая их как подготовку к сокращению населения на одну единицу.

Оставив саквояж и зонтик в номере, мистер Пембери решительно покинул гостиницу, как человек, имеющий вполне определенную цель. Первым делом он направился в магазин, где продавали зонты, и выбрал толстую ротанговую трость. В этом не было ничего необычного, кроме того, что трость поражала своей толщиной, поэтому продавец сделал попытку его отговорить.

– Мне нравятся толстые трости, – возразил мистер Пембери.

– Конечно, сэр, но для джентльмена вашей комплекции (Пембери был мал ростом и тщедушен) я бы предложил...

– Я хочу толстую трость, – настаивал Пембери. – Обрежьте ее до нужной длины и не приклепывайте наконечник. Дома я сам посажу его на клей.

Следующее его приобретение было уже ближе к делу и отличалось первобытной простотой. Он купил большой норвежский нож, но этим не ограничился, а пошел в другую лавку и приобрел там второй, который был точной копией первого. Зачем ему два одинаковых ножа? И почему он не купил их в одном магазине? Весьма загадочное поведение.

Казалось, Руфуса Пембери просто поглотила страсть к покупкам. В следующие полчаса он приобрел дешевый ручной чемоданчик, черный лакированный футляр для кистей, трехгранный напильник, палочку клея и тигельные щипцы. Все еще не удовлетворившись, он направился в старомодную аптеку в одном из переулков, где пополнил свою коллекцию пачкой ваты и унцией марганцовки. Когда аптекарь с видом чернокнижника, характерным для всех представителей этого ремесла, заворачивал покупки в бумагу, Пембери небрежно спросил:

– А мускус у вас есть?

Запечатав сверток сургучом, аптекарь, казалось, был готов произнести заклинание. Но вместо этого лишь коротко ответил:

– Нет, сэр. Натуральный мускус слишком дорог. Но у меня есть эссенция.

– Но она ведь слабее чистого мускуса?

– Да, конечно, она чуть слабее, но это не меняет дела, – загадочно улыбнулся аптекарь. – Эти природные ароматы, они очень сильные и стойкие. Осмелюсь предположить, что если вы разбрызгаете столовую ложку эссенции посередине собора Святого Павла, запах будет стоять полгода.

– Да что вы говорите! Этого достаточно для любых целей. Налейте мне чуть-чуть и ради бога не запачкайте пузырек снаружи. Я беру эссенцию не для себя, и мне бы не хотелось благоухать, как мускусная крыса.

– Известное дело, сэр, – согласился аптекарь, доставая крошечный пузырек, маленькую стеклянную воронку и бутылочку с надписью «Ess.Moschi».

Поколдовав над ними с ловкостью фокусника, аптекарь протянул пузырек мистеру Пембери:

– Возьмите, сэр. Снаружи ни одной капли не пролилось, а с резиновой пробкой и вовсе можете не опасаться.

Неприятнь мистера Пембери к мускусу была столь сильной, что, когда аптекарь удалился в подсобную комнату с видом медиума, готовящегося к контакту с духами (на самом же деле чтобы разменять полкроны), он вынул из чемоданчика футляр для кистей, откинул крышку и, взяв щипцами пузырек, осторожно опустил в футляр, после чего закрыл его и спрятал вместе с щипцами обратно в чемоданчик. Сверток мистер Пембери сунул в карман и, когда вернувшийся кудесник, волшебным образом превративший полкроны в четыре пенса, отдал ему сдачу, покинул аптеку и зашагал в сторону Стрэнда. Внезапно его посетила новая мысль. Он остановился, чуть-чуть подумал и пошел в северном направлении, чтобы сделать самую неожиданную из своих покупок.

Сделка состоялась в зоомагазине, чей ассортимент включал широкий спектр представителей животного мира – от улиток до ангорских кошек. Увидев в витрине клетку с морскими свинками, мистер Пембери решительно вошел в магазин.

– У вас, случайно, не завалилось какой-нибудь дохлой морской свинки? – поинтересовался он.

– Нет, мои все живы-здоровы, – уверил его хозяин. – Но ведь и они не вечны, – добавил он с недоброй улыбкой.

Пембери неодобрительно посмотрел на него. Между морской свинкой и шантажистом есть большая разница.

– Сгодится любое мелкое животное.

– У меня есть дохлая крыса, если вас устроит. Сдохла только утром, так что почти свежая.

– Вполне подойдет. Я ее беру.

Маленький трупик был завернут в бумагу, и Пембери схоронил его в своем чемоданчике. Отдав символическую плату, он направился к себе в гостиницу.

После скромного завтрака он вышел в город и посвятил весь день делам. Пообедав в ресторане, он в десять вечера вернулся в гостиницу и, взяв ключ, удалился в свой номер.

Но прежде чем раздеться, Пембери, заперев дверь, проделал в высшей степени странные манипуляции. Сняв наконечник с приобретенной трости, он острием напильника проделал в нем дыру и затем расширил ее так, что от наконечника остался лишь узкий ободок. Скатав шарик из ваты, он затолкал его в наконечник и, смазав нижний конец трости клеем, насадил наконечник и слегка нагрел над газовым пламенем, чтобы клей лучше схватился.

Покончив с тростью, Пембери перешел к одному из норвежских ножей. Прежде всего он сточил напильником желтый лак с ручки. Потом извлек из пакета дохлую крысу и, положив зверька на лист бумаги, отрезал ему голову, после чего взял за хвост, дал крови стечь на нож и размазал ее по всему лезвию.

Положив нож на бумагу, он осторожно открыл окно. Из темноты внизу послышалось мяуканье. Швырнув туда крысиную голову и тело, Пембери закрыл окно. Потом вымыл руки, бросил в камин оберточную бумагу и лег спать.

Наутро Пембери предпринял не менее загадочные действия. Рано позавтракав, он вернулся к себе в номер и запер дверь. Повернув трость рукояткой вниз, привязал ее к ножке стола. Вынув щипцами пузырек с мускусной эссенцией и убедившись, что от него не пахнет, он

вынул резиновую пробку. Потом с величайшей осторожностью налил половину чайной ложки эссенции на вату, торчащую из дыры в наконечнике, и подождал, пока жидкость полностью впитается. Потом то же самое проделал с ножом, накапав на его деревянную ручку эссенцию, которая легко впиталась в дерево. Покончив с этим, Пембери открыл окно и выглянул наружу. Прямо под его окном был крошечный дворик, в котором росла пара хилых лавровых кустов. Останков крысы не наблюдалось, скорее всего, их утащила кошка. Пембери выбросил пузырек и резиновую пробку в кусты.

Затем он вынул из несессера тюбик вазелина и, выдавив немного на пальцы, тщательно смазал края крышки футляра для кистей, чтобы уплотнить стык. Вытерев руки, он взял щипцами нож, положил его в футляр и плотно закрыл крышку. Подержав щипцы над горящим газом, чтобы уничтожить запах, он положил их вместе с футляром в чемоданчик. Отвязал трость, стараясь не прикасаться к наконечнику, и, взяв чемоданчик и саквояж, вышел из гостиницы, держа трость за ее середину.

Найти пустое купе было несложно: пассажиры первого класса редко ездили по утрам. Дождавшись свистка кондуктора, Пембери вошел в купе, захлопнул дверь и положил трость на сиденье, так чтобы ее наконечник высовывался в окно. Доехав до Бейсфорда, он оставил саквояж в камере хранения и вышел в город, по-прежнему держа трость.

Дом Пембери находился к западу от станции на расстоянии около мили, и ровно на полпути к нему располагалось поместье генерала О'Гормана. Он хорошо знал это место. Бывший фермерский дом, к которому вела аллея старых деревьев. Ее отделяли от дороги железные ворота, которые играли чисто декоративную роль, поскольку аллея не имела ограждения и в нее легко можно было зайти с окружающих дом лугов по еле заметной тропинке, пересекавшей аллею. По ней и двинулся Пембери, задерживаясь у каждого забора, чтобы оглядеть окрестности. Наконец он добрался до аллеи и, пройдя между двумя деревьями, остановился и огляделся вокруг.

Некоторое время он стоял, прислушиваясь, но кроме шороха листьев до него не доносился ни единый звук. Здесь явно никого не было. Если Пратт позволил себе отлучиться, значит, генерал сейчас в отъезде.

Пембери стал осматривать деревья, проявляя к ним необычный интерес. Рядом росли вяз и огромный дуб с толстым, покрытым наростами стволом, на высоте семи футов разделявшимся на три массивные ветки, каждая из которых была толщиной с приличное дерево. Самая большая из них простиралась на всю ширину аллеи, прикрывая ее, как навес. Этому старожилу Пембери уделил особое внимание: обойдя его вокруг, он положил под ним саквояж и трость, так чтобы ее наконечник не касался земли, и, цепляясь за наросты, стал карабкаться вверх. Едва он ступил на развилку, как послышался скрип ворот и быстрые шаги. Пембери скатился с дуба и, схватив свои пожитки, спрятался за огромным стволом.

«Только бы не увидели», – мысленно повторял он, прижимаясь к дереву и боязливо выглядывая из-за ствола. Вскоре на аллее появилась движущаяся тень, и Пембери прижался к стволу. Когда человек прошел, он, осторожно высунувшись, посмотрел вслед удаляющейся фигуре. Это был почтальон, знавший его, и Пембери счел за благо не показываться ему на глаза.

Дуб явно не отвечал его требованиям, и Пембери стал высматривать другое дерево. За вязом он заметил старый граб, причудливое дерево, ствол которого раструбом поднимался вверх, переходя в раскидистую крону, тянущую к небу руки-ветви, словно мифическая лесная нимфа.

Это дерево понравилось Пембери с первого взгляда, но он продолжал жаться к дубу, пока почтальон с веселым свистом не прошел обратно, оставив его в одиночестве. Тогда он решительно направился к грабу, крону которого отделяли от земли какие-нибудь шесть футов. Пембери мог легко достать ее рукой, в чем немедленно убедился. Прислонив трость к дереву

– на этот раз наконечником вниз, – он вынул из чемоданчика футляр для кистей, откинул крышку и, взяв щипцами нож, пристроил их на ветке. Он уже собирался положить футляр в чемоданчик, но его посетила новая мысль. Понюхав сильно пахнущий футляр, он закрыл крышку и закинул его на дерево, где тот скатился в центральное углубление в стволе. Закрыв чемодан и взяв трость за ручку, Пембери вернулся на тропинку и, пройдя между вязом и дубом, двинулся в обратном направлении.

Его передвижение было не совсем обычным. Он шел крайне медленно, волоча за собой трость и поминутно останавливаясь, чтобы вдавить наконечник в землю. Любой, кто увидел бы Пембери в этот момент, счел, что тот пребывает в мечтательной задумчивости.

Пройдя луг, он не стал возвращаться на главную дорогу, а свернул в узкий переулок, выходящий на Хай-стрит как раз напротив полицейского участка, отличавшегося от окрестных домов лишь фонарем и объявлениями на распахнутой двери. Перейдя улицу, Пембери, все еще волочивший за собой трость, остановился у двери участка и, поставив трость на ступеньку, стал читать объявления. В открытом проеме был виден человек, что-то пишущий за столом. Он сидел спиной к двери, но Пембери все же сумел разглядеть, что у него нет указательного пальца. Значит, это Джек Эллис, бывший охранник Портлендской тюрьмы.

Мужчина повернул голову, и Пембери его тотчас же узнал. Он часто встречал Эллиса на дороге в Торп, деревушку неподалеку от Бейсфорда, причем всегда в одно и то же время. Похоже, он ежедневно навещает в Торп – вероятно, чтобы получить отчет от тамошнего констебля, – выходя из участка между тремя и четырьмя часами и возвращаясь вскоре после семи. Пембери посмотрел на часы. Было как раз пятнадцать минут четвертого. Он задумчиво побрел прочь, снова держа трость за середину и медленно двигаясь в сторону Торпа, то есть в западном направлении.

Какое-то время Пембери был погружен в раздумья. Внезапно его хмурое лицо прояснилось, и он прибавил шагу. Дойдя до просвета в живой изгороди, он вышел в поле и, двигаясь параллельно дороге, вынул из кармана маленький кошелек из свиной кожи. Оставив там несколько шиллингов, он сунул наконечник трости в отделение, куда обычно кладут банкноты. После чего неторопливо двинулся дальше, осторожно неся трость, на конце которой висел смятый кошелек.

Дойдя до двойного поворота, откуда хорошо просматривалась дорога, Пембери сел у изгороди рядом с узким проходом. Изгородь надежно скрывала от взглядов прохожих – весьма, впрочем, немногочисленных, – не ограничивая обзора ему самому.

Прошло четверть часа, и Пембери забеспокоился. Неужели он ошибся и Эллис ходит в Торп не каждый день, а только иногда? Это, конечно, не катастрофа, но все же довольно досадно. Однако его размышления были прерваны появлением человеческой фигуры, бодро шагающей по дороге. Он тотчас же ее узнал. Это был Эллис. Но навстречу ему тоже кто-то шел. Похоже, это был фермер. Пембери уже приготовился сменить дислокацию, но скоро понял, что фермер пройдет мимо него первым, и стал терпеливо ждать. Фермер прошествовал мимо, а Эллис в этот момент скрылся за поворотом. Пембери просунул в проход трость, стряхнул с нее кошелек и подтолкнул его к середине дороги. Потом отполз от прохода в сторону приближавшегося пешехода и замер. Послышались размеренные шаги ничего не подозревавшего Эллиса, и, когда он прошел, Пембери отвел закрывавшую дорогу ветку и посмотрел вслед удалявшейся фигуре. Увидит ли Эллис кошелек? Он ведь не слишком заметен на земле.

Внезапно шаги затихли. Выглянув на дорогу, Пембери увидел, как полицейский нагнулся, поднял кошелек и, проверив его содержимое, сунул в карман брюк. Пембери с облегчением вздохнул и, когда Эллис исчез за поворотом, поднялся с земли и, потянувшись, быстро зашагал прочь.

Когда он проходил мимо скирд соломы, в голову ему пришла новая идея. Быстро посмотрев по сторонам, он подошел к одной из них, глубоко воткнул в нее трость и, взяв валявшу-

юся рядом палку, стал заталкивать трость внутрь, пока ее рукоятка полностью не скрылась в соломе. Теперь у него оставался один пустой чемоданчик – все остальные покупки лежали в саквояже, который пребывал в камере хранения. Пембери открыл чемоданчик и втянул носом воздух. Запаха он не почувствовал, но тем не менее решил при первой же возможности избавиться и от этого приобретения.

Когда он вышел на дорогу, мимо проехала повозка, груженная мешками. Задний борт у нее был откинут. Догнав повозку, Пембери незаметно сунул в нее свой чемоданчик и отправился на станцию за саквояжем.

Вернувшись домой, он сразу же прошел в спальню и, позвонив экономке, велел подавать обед. Потом снял с себя одежду, включая рубашку, галстук и носки, и положил все в кофр, где хранились его летние вещи, пересыпанные от моли нафталином. Достав из саквояжа пакетик с марганцовкой, Пембери направился в ванную комнату, где высыпал кристаллы в ванну и пустил воду. Вскоре ванна наполнилась розовым раствором, и Пембери погрузился в него полностью, не забыв намочить волосы. Спустив воду, он ополоснулся чистой водой и, насухо вытершись полотенцем, вернулся в спальню, где оделся во все чистое. Плотно пообедав, он растянулся на диване, чтобы немного отдохнуть. В половине седьмого Пембери был уже на станции и ждал поезда рядом с платформой, куда не попадал свет единственного фонаря. Он видел, как из поезда вышли пассажиры, один из которых зашагал по дороге в Торп. Это был Прагг, с самодовольным и веселым видом торопившийся к месту встречи. Ботинки его торжественно скрипели на ходу.

Пембери последовал за ним, сохраняя безопасную дистанцию и ориентируясь по звуку его шагов. Убедившись, что Прагг направляется к аллее, Пембери поспешил туда же, но уже через луга.

Очутившись в темноте аллеи, он первым делом пробрался к грабу и, запустив руку в его крону, убедился, что щипцы с ножом на месте. Потрогав их железные кольца, он успокоился и медленно пошел по аллее. Второй нож, уже раскрытый, лежал в левом внутреннем кармане плаща, и Пембери время от времени касался его рукоятки.

Наконец ворота зловеще проскрежетали, и послышался ритмичный скрип ботинок. Пембери, не торопясь, двинулся навстречу, пока из темноты не вынырнула расплывчатая фигура.

– Это вы, Прагг?

– Собственной персоной, – весело ответил тот. – Ну что, приволок деньжонки, старина?

Оскорбительная фамильярностьнисколько не покорибила Пембери, а лишь укрепила его решимость.

– Конечно, но нам надо четко обо всем договориться.

– Послушай, дорогой, у меня нет времени на трепотню. Вот-вот появится генерал, он с другом едет сюда из Бингфилда. Давай бабки, а языки будем чесать в другой раз.

– Все это прекрасно, но вы должны понять...

Пембери вдруг замолчал и остановился. Они уже поравнялись с грабом, и он поднял голову, вглядываясь в крону.

– Что там такое? – заинтересовался Прагг. – На что ты уставился?

Он тоже задержался, пытаясь что-нибудь разглядеть в темноте.

И тут Пембери выхватил нож и со всей силой всадил его в широкую спину бывшего тюремщика, точно под левую лопатку. Дико вскрикнув, Прагг повернулся и обхватил руками нападавшего. Сил ему было не занимать, и через минуту он уже держал Пембери за горло. Но тот, прижавшись к нему всем телом, продолжал наносить удары с яростью скорпиона, и скоро Прагг захрипел и забулькал горлом. Наконец он рухнул на землю, накрыв Пембери своим тяжелым телом. Борьба была окончена. Издав последний булькающий звук, Прагг ослабил хватку и через мгновение затих. Столкнув его с себя, Пембери поднялся с земли, весь дрожа и тяжело дыша. Времени у него было в обрез. Он не предполагал, что будет столько шума. Подойдя

к грабу, он потянулся рукой к веткам. Пальцы нащупали кольца щипцов, держащих нож, он перенес его к труп, бросив на землю в нескольких футах от тела. Потом вернулся к дереву и снова просунул щипцы в крону. Вдруг на аллее раздался женский голос:

– Это вы, мистер Пратт?

Вздвигнув, Пембери на цыпочках подошел к телу. Надо любой ценой забрать второй нож. Труп лежал на спине, в которой все еще торчал нож, всаженный по самую рукоятку. С трудом приподняв тело, Пембери попытался вытащить лезвие. А голос между тем слышался все ближе.

Наконец он выдернул нож и сунул его во внутренний карман плаща. Труп опять завалился на спину, и Пембери, задыхаясь, выпрямился.

– Мистер Пратт! Вы здесь?

Голос раздался так близко, что Пембери испуганно вздрогнул. Быстро обернувшись, он увидел между деревьями свет. Потом услышал громкий скрип ворот, и по гравии застучали копыта лошади.

Пембери удивленно застыл. Он никак не ожидал, что есть лошадь. Теперь намерение ретироваться в Торп через луга вряд ли осуществимо. Если же его застанут здесь, все пропало – руки и одежда у Пембери в крови, не говоря о ноже во внутреннем кармане.

Но замешательство длилось недолго. Он вдруг вспомнил про дуб и, подбежав к нему, вскарабкался на ствол, стараясь не запачкать его кровью. Нижняя ветвь была не меньше трех футов в диаметре, и когда он лег на нее, плотно завернувшись в плащ, то снизу стал совершенно незаметен.

Не успел он устроиться на ветке, как на аллее показалась женщина с фонарем в руке. И в тот же момент с противоположной стороны на дорожку упал яркий луч света. Всадника сопровождал велосипедист.

Заметив женщину, всадник громко спросил:

– Что случилось, миссис Партон?

В это время фонарь велосипеда осветил распростертое тело. Мужчины одновременно вскрикнули, женщина завизжала. Всадник соскочил с лошади и подбежал к трупу.

– Да это Пратт! – воскликнул он и, увидев лужу крови, добавил: – Похоже, здесь произошло преступление, Хэнфорд.

Тот пошарил фонарем вокруг тела.

– Что это там за вами, О'Горман? – вдруг спросил он. – Да это же нож!

Он хотел его поднять, но О'Горман предостерегающе вскинул руку.

– Не прикасайтесь к нему! – воскликнул он. – Мы дадим понюхать его собакам. Они уж точно разыщут негодяя, кто бы это ни был. Читайте, что он у нас в руках.

Торжествующе взглянув на нож, генерал повернулся к своему другу:

– Поезжайте в полицейский участок, до него всего три четверти мили, так что через пять минут будете там. Пришлите или привезите сюда полицейского, а я тем временем прочешу луга. Если не поймаю этого типа, мы дадим собакам нож, и они вмиг нападут на след.

– Будет сделано, – коротко ответил Хэнфорд и, сев на велосипед, исчез в темноте.

– Миссис Партон, – обратился к женщине О'Горман, – проследите, чтобы в мое отсутствие этот нож никто не трогал.

– Мистер Пратт мертв? – всхлипнула миссис Партон.

– Черт! Я об этом как-то не подумал. Посмотрите сами, но ни в коем случае не трогайте нож, иначе спутааете все запахи.

Вскочив в седло, генерал поскакал в сторону Торпа. Слушая топот копыт, Пембери радовался, что не попытался сбежать: О'Горман устремился в том направлении, которое он выбрал для отступления, и был бы без труда достигнут в полях.

Как только генерал удалился, миссис Партон, испуганно оглядываясь, подошла к трупу и осветила фонарем мертвое лицо, но тут же, вздрогнув, отшатнулась – на аллее послышались шаги.

– Что случилось, миссис Партон? – окликнул ее знакомый голос.

Вопрос задала одна из горничных, которая отправилась на поиски экономки в сопровождении молодого человека.

– Боже правый! – воскликнул он, выйдя на свет. – Кто это?

– Мистер Пратт, – ответила миссис Партон. – Его убили.

Девушка вскрикнула и вместе с парнем в ужасе уставилась на труп.

– Только не трогай нож, – распорядилась миссис Партон, видя, что парень собирается его поднять. – Генерал хочет, чтобы его понюхали ищейки.

– Так, значит, он приехал? – спросил парень.

Ответом ему был топот копыт. Натянув поводья, генерал остановился около слуг.

– Так он мертв, миссис Партон?

– Боюсь, что да, сэр.

– Ах так! Ну, тогда надо послать за доктором. Нет, Бейли, ты оставайся здесь. Возьми собак и жди моей команды.

Генерал снова ускакал в поля, а Бейли поспешил на псарню, оставив женщин наедине с трупом.

Пембери было очень неудобно на дереве. Но от женщин его отделяло несколько ярдов, и он не смел даже пальцем пошевеливать. Увидев огоньки, движущиеся по дороге из Бейсфорда, он вздохнул и снова напрягся. Потом они исчезли за деревьями, и вскоре на аллее послышался шум колес, замелькал свет, и появились три велосипедиста – мистер Хэнфорд, инспектор полиции и сержант. Вскоре на лошади прискакал генерал.

– А Эллис тоже с вами? – спросил он, спешившись.

– Нет, сэр. Эллис еще не вернулся из Торпа. Сегодня он что-то припозднился.

– Вы послали за доктором?

– Да, сэр. Я послал за доктором Хилсом, – ответил инспектор, прислонив свой велосипед к дубу. Пембери почувствовал запах от его фонаря и крепче вжался в сук. – Пратт мертв?

– Похоже на то, – ответил О'Горман. – Но оставим решать доктору. Убийца оставил здесь нож. К нему никто из нас не прикасался. Я намерен пустить в дело своих собак.

– Это мысль, – согласился инспектор. – Убийца вряд ли успел далеко уйти.

Он с довольным видом потер руки, и генерал, пустив лошадь в галоп, поскакал по аллее. Через минуту из темноты послышался громкий лай и торопливые шаги, и в круге света появились три поджарые собаки, рвущиеся с поводков, которые держали двое мужчин.

– Возьмите собаку, инспектор! – крикнул генерал. – Я не справлюсь с обеими.

Инспектор схватил один из поводков, и генерал подвел свою собаку к лежащему на земле ножу. Осторожно выглянув из-за ствола, Пембери с любопытством наблюдал, как здоровенная псина, наморщив высокий лоб, подозрительно обнюхивала нож. Потом собака забегала вокруг, опустив голову к земле, громко залаяла и, метнувшись между дубом и вязом, потащила генерала в луга.

Собака инспектора тоже понюхала нож, и вскоре тот последовал за генералом, увлекаемый рванувшей по следу ищейкой.

– Эти уж не ошибутся, как пить дать, – заявил Бейли, выводя на сцену следующего пса. – Сейчас увидите...

Однако слова его были прерваны резким рывком поводка, и в следующий момент собака умчалась вслед за другими, а за ней и мистер Хэнфорд.

Сержант осторожно поднял нож за кольцо и, завернув его в носовой платок, опустил в карман. После чего бросился в поле вслед за ищейками. Пембери злорадно усмехнулся.

Его план отлично сработал, несмотря на некоторые непредвиденные обстоятельства. Теперь нужно, чтобы эти две курицы поскорее ушли, тогда он сможет слезть с дерева и унести ноги. Слушая, как постепенно затихает лай, Пембери проклинал медлительность доктора. Черт бы его побрал! Он что, не понимает, что речь идет о жизни и смерти? Но вдруг затренькал звонок, на аллею упал луч света, и на месте трагедии появился невысокий пожилой мужчина, соскочив с велосипеда. Вручив его миссис Партон, он склонился над телом, пощупал пульс, оттянул веко и поднес к глазу горящую спичку.

– Плохо дело, миссис Партон, – объявил он, поднимаясь. – Бедняга мертв. Помогите мне перетащить его в дом. Вы двое возьмите его за ноги, а я буду поддерживать за плечи.

Пембери увидел, как они подняли тело и, с трудом переступая, направились по аллее к дому. Он слышал, как затихли шаги и хлопнула дверь особняка, но все еще медлил. Из лугов время от времени доносился собачий лай. Больше ничто не нарушало тишину. Наконец вернулся доктор и, сев на велосипед, уехал. Путь к отступлению был открыт. С трудом отойдя от дерева, Пембери быстро спустился вниз. Прислушавшись, крадучись пересек аллею, сделав небольшой круг, чтобы не попасть в свет фонаря, и зашагал по лугу.

Вокруг царили мрак и безмолвие. Пембери быстро шел вперед, вглядываясь в темноту и поминутно останавливаясь, чтобы прислушаться. Но ни единый звук не долетал до его ушей, лишь изредка в отдалении лаяли собаки. Он знал, что недалеко от его дома есть канава с деревянным мостом, и держал путь именно туда, чтобы привести себя в надлежащий вид. Когда он наклонился, чтобы вымыть руки, нож выпал из нагрудного кармана и упал у самого края канавы. Нашупав его в мелкой воде, Пембери бросил нож подальше в ил. Потом вытер руки о какое-то водное растение, перешел через мостик и направился к дому.

Подойдя к нему с тыла, он удостоверился, что экономка сидит на кухне, тихо отпер дверь своим ключом и быстро прошел в спальню. Там тщательно вымылся в ванне, переменял одежду и спрятал все снятое в дорожную сумку. В это время раздался гонг, зовущий его к ужину. Сев за стол, бодрый и свежий, Пембери с веселым видом обратился к экономке:

– Завтра утром опять поеду в Лондон. Не успел покончить со всеми делами.

– Вы к вечеру вернетесь?

– Может, да, а может, и нет. Будет зависеть от обстоятельств.

От каких именно обстоятельств, он не уточнил. Мистер Пембери не был склонен к излишней откровенности. Как человек благоразумный, он предпочитал не болтать лишнего.

Глава 2

Сыщик против ищек

(в изложении Кристофера Джервиса, доктора медицины)

Те полчаса после завтрака, когда в комнате разгорается камин, а над утренней трубкой вьется ароматный дымок, пожалуй, самое приятное время суток. Особенно когда над городом нависло хмурое небо, по улицам гуляет холодный утренний ветер, а предостерегающие гудки буксиров, доносящиеся с реки, напоминают об упорных туманах – наследии только что ушедшей ночи.

Было раннее осеннее утро, и в гостиной весело горел камин. Протянув к огню ноги в домашних тапочках, я, как кошка, нежился в тепле, не отягощая свою голову размышлениями. Услышав недовольное ворчание Торндайка, я лениво повернулся к нему. Он вырезал из утренней газеты какие-то заметки и, взяв одну из них, проговорил:

– Опять эти ищайки. Вероятно, скоро мы услышим о возвращении к испытанию огнем.

– В такое утро я бы от него не отказался, – воскликнул я, с удовольствием потягиваясь в кресле. – А что это за дело?

Но ответить Торндайк не успел. Громкий стук дверного кольца возвестил о приходе незваного гостя. Открыв дверь, Торндайк впустил инспектора полиции, а я встал спиной к камину, чтобы, поддерживая беседу, не лишать себя тепла.

– Я имею честь говорить с доктором Торндайком? – спросил инспектор.

Мой друг молча кивнул.

– Я инспектор Фокс из полиции Бейсфорда, сэр. Вы читали утреннюю газету?

Показав инспектору газетную вырезку, Торндайк придвинул к огню стул и спросил, успели ли тот позавтракать.

– Да, благодарю вас, сэр. Я приехал в город вчера поздно вечером и остановился в гостинице. Вы, вероятно, уже знаете, что пришлось арестовать одного из наших людей. Это весьма неприятно.

– Еще бы, – согласился Торндайк.

– Страдает престиж полиции. Но ничего другого нам не оставалось. И все же мы бы хотели дать обвиняемому шанс. Это ведь и в наших интересах. Поэтому старший констебль решил обратиться к вам, чтобы вы высказали свое мнение и, возможно, выступили на стороне защиты.

– Тогда я должен знать все обстоятельства дела, – заявил Торндайк, вынимая из ящика стола блокнот и опускаясь в кресло. – Начните с самого начала и расскажите все, что известно.

Слегка откашлявшись, инспектор приступил к изложению событий:

– Начнем с убитого: его имя Пратт, он бывший тюремный надзиратель, работал управляющим у генерала О'Гормана, отставного начальника тюрьмы. Возможно, вы слышали о нем в связи с его знаменитыми ищайками. Итак, вчера Пратт вернулся из Лондона поездом, который прибыл в Бейсфорд в шесть часов тридцать минут вечера. Его видели проводник, кондуктор и носильщик. Последний утверждает, что Пратт покинул станцию в шесть тридцать семь. Дом генерала О'Гормана находится в полумиле от станции. Без пяти минут семь генерал, а вместе с ним джентльмен по имени Хэнфорд и экономка генерала миссис Партон обнаружили тело Пратта на аллее, ведущей к дому. Его зарезали – рядом с телом было много крови и валялся складной норвежский нож. Миссис Партон показалось, что кто-то в аллее зовет на помощь, и она вышла с фонарем, поскольку как раз в это время должен был вернуться Пратт. Она встретила там генерала с мистером Хэнфордом, и все трое заметили тело одновременно. Мистер Хэнфорд приехал к нам на велосипеде, чтобы сообщить о случившемся. Мы сразу же послали за доктором, после чего вместе с сержантом и мистером Хэнфордом поехали на место преступления, куда и прибыли в семь часов двенадцать минут. Генерал уже успел обскákat на лошади все окрестные поля, но так никого и не увидел. Тогда он привел своих ищек и дал им понюхать нож. Все три собаки сразу же взяли след – я держал на поводке одну из них – и потянули нас в луга. Пробежав через луг, они вывели нас в город, пересекли дорогу и все как одна напрямик направились к полицейскому участку, ворвались туда через открытую дверь и кинулись к столу, за которым сидел наш внештатный сотрудник Эллис. Собаки прямо из кожи вон лезли, чтобы в него вцепиться, и нам стоило немалых трудов удержать их на поводках. А Эллис, тот сразу побледнел как полотно.

– А в помещении еще кто-нибудь был? – спросил Торндайк.

– Да. Там сидели два констебля и посыльный, но собаки не обратили на них никакого внимания. Они стремились только к Эллису.

– И что вы сделали?

– Арестовали Эллиса. А как еще мы могли поступить? Тем более в присутствии генерала.

– А он тут при чем?

– Он мировой судья и бывший начальник Дартмурской тюрьмы. И потом, это же его собаки напали на след. Хотя мы в любом случае арестовали бы Эллиса.

– Против него есть какие-нибудь улики?

– Имеются. Они с Праттом здорово не ладили, хотя раньше были приятелями: Эллис служил охранником в Портлендской тюрьме, а Пратт был там тюремщиком. Потом Эллиса комиссовали, потому что он лишился пальца на левой руке. А недавно у них произошла ссора из-за женщины, горничной генерала. Эллис, женатый, стал уделять ей слишком много внимания – хотя, может, Пратту только так показалось, – но он выставил Эллиса вон. И с тех пор они друг с другом не разговаривали.

– А что за человек этот Эллис?

– Очень порядочный парень, тихий, спокойный, незлобивый. О таких говорят, что и мухи не обидит. У нас все его любили, причем гораздо больше, чем Пратта. Бедняга Пратт был скрытный и себе на уме.

– Вы обыскали Эллиса?

– Конечно. Ничего подозрительного не нашли, разве что у него оказалось два кошелька. Но он сказал, что один из них – маленький такой, из свиной кожи – нашел вчера по дороге в Торп, и у нас нет никаких оснований ему не верить. Во всяком случае, этот кошелек Пратту не принадлежал.

Торндайк что-то пометил в блокноте, потом спросил:

– На его одежде не было пятен крови?

– Нет. Ни крови, ни грязи. Она была в полном порядке.

– А порезов, царапин или синяков вы на нем не заметили?

– Нет.

– В котором часу вы арестовали Эллиса?

– Ровно в половине восьмого.

– Вы проследили его передвижения в тот день? Он мог оказаться рядом с местом убийства?

– Да, он ходил в Торп и на обратном пути должен был пройти мимо ворот аллеи. В этот вечер он вернулся в участок позже обычного, хотя ему приходилось задерживаться и раньше.

– Теперь об убитом. Тело осмотрели?

– Да. Перед уходом я прочитал протокол доктора Хилса. На теле имелось семь глубоких ран, и все на левой стороне спины. Земля была залита кровью, и доктор считает, что Пратт умер от потери крови уже спустя пару минут.

– Раны соответствуют размеру найденного ножа?

– Я спрашивал у доктора, и он сказал «да», хотя и не мог поклясться, что удары были нанесены именно этим ножом. Но это не так уж важно. На ноже была кровь, и он лежал рядом с телом.

– И как вы с ним поступили?

– Сержант поднял его, завернул в носовой платок и положил в карман. Потом я его забрал и спрятал в чемоданчике для вещественных доказательств.

– Есть какие-нибудь свидетельства, что этот нож принадлежал Эллису?

– Нет, сэр.

– На месте преступления остались отпечатки ног или следы борьбы?

Инспектор виновато улыбнулся:

– Я не осматривал землю, сэр, но после того, как на ней потоптались собаки, генеральская лошадь и сержант с мистером Хэнфордом, вряд ли это имело смысл.

– Согласен. Ну, что же, инспектор, я готов выступить на стороне защиты. Мне кажется, что улики против Эллиса не слишком убедительны.

Инспектор искренне удивился:

– Мне так не показалось, сэр.

– Нет? Впрочем, это мое личное мнение. Думаю, надо поехать с вами и все посмотреть на месте.

Инспектор радостно согласился. Снабдив его газетой, мы удалились в лабораторию, чтобы согласовать план действий и подготовиться к экспедиции.

– Я полагаю, вы тоже поедете, Джервис? – поинтересовался Торндайк.

– Если от меня будет какой-нибудь толк.

– Конечно, будет. Две головы лучше, чем одна. И мне почему-то кажется, что в данной ситуации только эти головы и смогут рассуждать здраво. Мы возьмем с собой наш волшебный чемоданчик и фотоаппарат. Поезд от Чаринг-кросс отходит через двадцать минут.

Первые полчаса Торндайк сидел в углу купе, изучая свои записи и задумчиво поглядывая в окно. Я видел, что ему интересно это дело, и старался не нарушать ход его мыслей. Наконец Торндайк отложил свои записи и, готовый к общению, стал набивать трубку. Инспектор, весь извертевшийся от нетерпения, с ходу задал вопрос:

– Значит, вы считаете, сэр, что у Эллиса есть шансы?

– Я считаю, что шансы имеются у его защиты. Улики против него достаточно шаткие.

Инспектор даже поперхнулся.

– А как же нож, сэр?

– Ну что нож? Чей это нож? Вы этого не знаете. На нем была кровь. А чья кровь? Этого вы тоже не знаете. Предположим, нож принадлежал убийце. Значит, на нем была кровь Пратта. В таком случае собаки привели бы вас к его телу, поскольку кровь имеет очень сильный запах. Однако они этого не сделали, полностью проигнорировав убитого. Отсюда следует, что на ноже была еще чья-то кровь.

Инспектор снял фуражку и почесал затылок:

– Вы абсолютно правы, сэр. Нам всем это как-то не пришло в голову.

– Далее. Предположим, что нож принадлежал Пратту и он использовал его для самообороны. Но ведь это норвежский складной нож, довольно громоздкое орудие, которое не так-то просто открыть. Для этого требуется определенное время и две руки. Разве у Пратта обе руки были свободны? Разумеется, нет, ведь он боролся с нападавшим. На его теле семь ран, и все на левой стороне спины, что говорит о том, что он обхватил убийцу руками, а тот обхватил его. Из этого следует, что убийца действовал правой рукой, то есть он не левша. Если нож принадлежал Пратту, значит, на нем кровь убийцы. Следовательно, убийца был ранен. Но Эллис ведь не был ранен. Значит, он не убийца. Короче, нож нам ничем не поможет.

Инспектор надул щеки и медленно выпустил воздух.

– Это выше моего понимания. А как же с ищейками, сэр? Они же четко показали, что нож принадлежит Эллису. Как на это прикажете реагировать?

– Реагировать пока не на что. Ищейки ничем вам не помогли. Вы сделали из их поведения некие выводы, которые не являются уликами и могут быть в корне неверными.

– Похоже, вы не слишком доверяете этим псам.

– Для следствия они совершенно бесполезны. Вы же не можете использовать ищейку в качестве свидетеля. Какие показания она может дать? Даже если ей что-либо известно, сказать-то она ничего не сможет. Все дело в том, что использование ищейек для раскрытия преступлений основано на ложных посылах. Да, американские плантаторы ловили с их помощью беглых рабов, причем довольно успешно. Но личности рабов были им хорошо известны, и задача состояла лишь в том, чтобы обнаружить, где они скрываются. Однако при раскрытии преступления главное не это. Сыщику надо установить личность неизвестного преступника, а не местонахождение какого-то определенного человека. А для этой цели ищейки совершенно бесполезны.

– Теперь возвратимся к нашему делу, – продолжал Торндайк после небольшой паузы. – Мы использовали некое орудие – ищек, – с которыми мы не можем входить в контакт, как говорят спириты, а медиума у нас нет. Ищейка обладает особым чутьем, которое у человека находится в зачаточном состоянии. Мы дали собаке понюхать нож, и она уловила определенный запах; такой же она учуяла на земле и на некоем человеке – Эллисе. Мы не можем проверить ее ощущения. Что остается? Только утверждать, что существует некая связь между запахами ножа и Эллиса. Но пока мы не установим причину этой связи, ее вряд ли можно считать полновесной уликой. Все остальные «улики» – лишь плод вашего с генералом воображения. Так что пока против Эллиса нет никаких свидетельств.

– Но он находился рядом с тем местом, где произошло убийство.

– Как и многие другие. Но разве у него было время, чтобы умыться и сменить одежду? Ведь будь он убийцей, ему обязательно пришлось бы приводить себя в порядок.

– Скорее всего, – неуверенно согласился инспектор.

– Несомненно. Ведь на теле Пратта обнаружено семь ран, и вряд ли он стоял неподвижно, когда убийца наносил их. Расположение ран указывает на то, что была борьба. Мужчины сцепились друг с другом. Убийца обхватил Пратта двумя руками – одной держал его за спину, а другой наносил удары. Значит, на его руках должна быть кровь. Но вы сказали, что Эллис не был запачкан кровью, а времени и возможности вымыться и переодеться у него не было.

– Весьма загадочная история, – произнес инспектор. – Но я так и не понял, как объяснить поведение ищек.

Торндайк нетерпеливо пожал плечами.

– Дались вам эти ищейки! Главная проблема – это нож, и все вопросы возникают вокруг него. Чей он? Есть ли какая-то связь между ним и Эллисом? Подумайте над этим, Джервис, – сказал Торндайк, поворачиваясь ко мне. – Возможные ответы хранят массу неожиданностей.

Когда мы сошли в Бейсфорде, Торндайк взглянул на часы и засек время.

– Проведите нас тем путем, по которому шел Пратт, – попросил он инспектора.

– Он мог пойти по дороге или по тропинке, разницы в расстоянии почти нет.

Мы зашагали по дороге в сторону Торпа и вскоре справа увидели тропинку.

– Она пересекает аллею как раз посередине, – объяснил инспектор. – Но нам лучше пойти по дороге.

Через четверть мили показались ржавые железные ворота, одна из створок которых была открыта. Войдя, мы очутились на широкой аллее с высокими деревьями, между которыми виднелись обширные луга. Над головой шелестела густая желтеющая листва.

Пройдя от ворот сто пятьдесят ярдов, инспектор остановился.

– Это здесь, – объявил он, и Торндайк отметил в блокноте время.

– Девять минут ровно. Значит, Пратт был здесь уже без четырнадцати минут семь, а тело нашли без пяти – то есть девять минут спустя. Убийца не мог далеко уйти.

– Да, запах был совсем свежий. Вы хотели осмотреть тело, сэр?

– Да, и нож, если можно.

– Тогда я должен послать за ним в участок.

Войдя в дом, он отправил посыльного с поручением, а потом повел нас к сараю, где лежал труп. Торндайк бегло осмотрел раны и отверстия в одежде, которые мало о чем свидетельствовали. Было только ясно, что они нанесены толстым односторонним лезвием, подобным тому, что было найдено у тела, а синева вокруг ран указывала на то, что у него был ободок, характерный для норвежских ножей, и удары наносились с дикой яростью.

– Вы обнаружили что-нибудь проливающее свет на преступление? – спросил инспектор, когда осмотр тела был завершен.

– Не могу ничего сказать, пока не увижу нож. А сейчас давайте сходим на место трагедии. Это ботинки Пратта, я полагаю?

Торндайк взял со стола массивные ботинки на шнурках и стал рассматривать подошву.
– Да, это его ботинки: следы от них ни с чем не спутаешь. Рисунок на подметке все равно что товарный знак.

– Мы заберем их с собой, – заявил Торндайк.

Инспектор взял у него ботинки, после чего мы вернулись к месту преступления. Его было легко определить по большому темному пятну на гравии с краю аллеи как раз напротив двух деревьев – старого граба и вяза. Рядом с вязом рос дуб с кряжистым стволом, который в семи футах от земли разделялся на три мощные ветви, одна из которых простиралась над аллеей. Земля между этими двумя деревьями была испещрена следами людей, собак и лошадиных копыт.

– Где был найден нож? – осведомился Торндайк.

Инспектор указал на место посередине аллеи почти напротив граба, и Торндайк отметил его, положив туда камень. Потом он задумчиво осмотрелся и медленно пошел к просвету между вязом и дубом, пристально разглядывая землю.

– Да, в следах здесь нет недостатка, – недовольно заметил он, глядя на истоптанную почву.

– Весь вопрос в том, чьи они, – отозвался инспектор.

– Сейчас разберемся. И начнем со следов Пратта.

– Не понимаю, чем это может нам помочь. Мы и так знаем, что он здесь был.

Торндайк удивленно взглянул на него. Должен признаться, что и меня озадачило столь простодушное замечание. Джентльмены из Скотленд-Ярда соображали гораздо быстрее.

– Вся эта шумная компания проходила между вязом и дубом, в других местах практически не натоптано, – отметил Торндайк.

Он обошел вокруг вяза, по-прежнему внимательно изучая землю, и в конце концов заключил:

– Здесь на земле у границы с дерном имеются следы небольших ног в остроносых ботинках. Судя по размеру обуви и длине шагов, они принадлежат низкорослому человеку, который не относился к топтавшейся здесь компании. Но следов Пратта я рядом не вижу, похоже, тот не сходил с гравия.

Торндайк медленно направился к грабу, все так же не отрывая глаз от земли. Внезапно он остановился и, нагнувшись, стал с интересом что-то изучать. Когда мы с Фоксом подошли, он выпрямился и объявил:

– Следы Пратта, слабые и фрагментарные, но не вызывающие сомнения. Теперь, инспектор, вы понимаете, насколько они для нас важны? Здесь главное – временной фактор. Посмотрите на этот отпечаток, а потом на тот.

Он указал на два нечетких следа убитого.

– Вы хотите сказать, что они свидетельствуют о борьбе?

– Я хочу сказать нечто большее. Один из следов Пратта отпечатался поверх маленького следа от остроносы ботинка, а второй, тот, что на краю гравия, оказался под ним. Значит, первый след остроносы ботинка был оставлен прежде следа Пратта, а второй – после него. Отсюда следует вывод, что обладатель остроносых ботинок был здесь в то же самое время, что и Пратт.

– Так, значит, он и есть убийца! – воскликнул Фокс.

– Вероятно. Но давайте посмотрим, куда он пошел потом. Заметьте, человек стоял рядом с этим деревом, – Торндайк указал на граб. – И пошел в сторону вяза. Давайте последуем за ним. Он проходит мимо вяза, его следы идут ровной цепочкой и не смешиваются со следами борьбы. Возможно, они появились уже после убийства. Мы также видим, что они находятся за деревьями, то есть рядом с аллеей. О чем это говорит?

– О том, что на аллее кто-то появился именно в тот момент, когда убийца готовился скрыться, – произнес я после того, как инспектор с безнадежным видом помотал головой.

– Совершенно верно. Тело было найдено через девять минут после появления здесь Пратта. Но ведь для убийства потребовалось какое-то время. Экономке показалось, что кто-то зовет на помощь, и она вышла с фонарем. И в это же время на аллее появились генерал с мистером Хэнфордом. Вполне логично предположить, что человек спрятался за деревьями, чтобы его не заметили. Давайте проследим, как идут следы. Мимо вяза и следующего дерева, но обратите внимание на одну деталь.

Торндайк зашел за большой дуб и посмотрел на землю у его корней.

– Здесь видны два следа, более глубокие, чем все остальные, и они не относятся к той цепочке следов, которая тянется вдоль деревьев, поскольку обращены носками к дубу. Что вы об этом думаете?

Не дожидаясь ответа, он стал пристально рассматривать ствол, обратив особое внимание на корявый нарост в трех футах от земли. Прямо над ним на коре виднелась вертикальная отметина, как будто кто-то поцарапал дерево, а на земле лежал отломившийся сухой сучок. Указав на эти знаки, Торндайк поставил ногу на нарост и, приподнявшись, оказался на уровне кроны, где ствол разделялся на три толстые ветви.

– О, здесь имеется уже нечто более определенное! – воскликнул он.

Воспользовавшись еще одним наростом, он залез в крону и, быстро оглядевшись, кивнул сверху нам. Ступив на нарост, я поднял голову и вдруг заметил на стволе блестящий бурый след от руки. Взобравшись наверх, мы с инспектором встали на развилке ветвей, где нас уже ждал Торндайк. Посмотрев на верхнюю часть ветви, нависавшей над аллеей, увидели на ее покрытой лишайником поверхности красновато-коричневый отпечаток двух ладоней.

– Обратите внимание, что человек был небольшого роста. Иначе он не стал бы держаться за ветку так близко от развилки. И еще: вы видите, что оба указательных пальца у него на месте? Значит, это точно не Эллис.

– Вы хотите сказать, что отпечатки были оставлены убийцей, сэр? – усомнился Фокс. – Но это невозможно. Иначе означало бы, что он сидел на дереве и смотрел, как мы пускаем собак по его следу. Присутствие ищек доказывает, что данный человек никак не мог быть убийцей.

– Как раз наоборот: присутствие человека с окровавленными руками лишь подтверждает, что собаки так и не напали на след убийцы. Сейчас я поясню, инспектор. Вот лежит убитый, и на руках убийцы наверняка осталась его кровь; а вот человек с окровавленными руками прячется на дереве в нескольких футах от трупа, который вот-вот будет обнаружен. Что из этого следует?

– Но вы забываете о ноже и ищейках, сэр, – возразил инспектор.

– Да полно вам, старина! Опять про этих ищек. Просто какая-то идея фикс. Но я вижу, сюда идет сержант. Надеюсь, он принес нож и мы сумеем разгадать загадку.

Сержант, принесший небольшой чемоданчик, с некоторым изумлением взирал, как мы спускаемся с дерева. Подойдя ближе, он отдал честь и вручил чемоданчик инспектору, который достал оттуда что-то завернутое в носовой платок.

– Вот нож, сэр. В том виде, в котором я его получил. Платок принадлежит сержанту.

Развернув платок, Торндайк критически взглянул на большой норвежский нож, после чего отдал его мне. Пока я рассматривал лезвие, он, встряхнув платок, осмотрел его с обеих сторон и повернулся к сержанту:

– В какое время вы подняли нож?

– Приблизительно в семь часов пятнадцать минут, сэр, сразу после того, как собаки бросились по следу. Я поднял его за кольцо и сразу же завернул в платок.

– В семь пятнадцать. Меньше чем через полчаса после убийства. Немного странно. Посмотрите на этот платок. Нет ни пятнышка, значит, когда вы подняли нож, кровь на нем уже

высохла. Но осенью довольно сыро и все сохнет медленно, если вообще просыхает. Похоже, что на ноже, брошенном на землю, кровь успела засохнуть. Кстати, сержант, чем вы надушили свой платок?

– Надушил, сэр? – обиженно переспросил сержант. – Да я сроду не пользовался никакими одеколонами.

Торндайк протянул ему платок, и сержант недоверчиво поднес его к носу.

– И правда духами пахнет. Но это, наверное, от ножа.

Мне пришла в голову та же мысль, я поднес рукоятку к носу и ощутил сладковатый запах мускуса.

Когда все мы перенюхали платок и нож, инспектор произнес:

– Вопрос в том, откуда идет такой запах: от ножа или от платка?

– Вы слышали, что сказал сержант? – спросил Торндайк. – Платок не был надушен, когда в него заворачивали нож. Знаете, инспектор, этот запах наводит меня на очень любопытное предположение. Рассмотрим обстоятельства этого дела: по горячим следам мы выходим на Эллиса, на котором тем не менее не обнаруживаем ни единой царапины или пятна крови; на такое несоответствие я указывал еще в поезде; теперь находим этот нож, который был брошен с уже высохшей кровью и благоухает мускусом. На мой взгляд, это тщательно спланированное преступление. Убийца знал о генеральских ищейках и использовал их как прикрытие. Он нарочно бросил здесь окровавленный и пахнущий мускусом нож, чтобы навести собак на ложный след, который также имел запах мускуса и каким-то образом был проложен по земле. Это лишь предположение, но его стоит рассмотреть.

– Но, сэр, если убийца дотрагивался до этого ножа, на нем тоже должен был остаться запах, – с жаром отметил инспектор.

– Правильно, но, допуская, что преступник не совсем дурак, мы можем предположить, что он к ножу не прикасался, заранее спрятал его где-нибудь наверху, а потом сбил вниз палкой, не трогая руками.

– Может, как раз на этом дереве, сэр? – предположил сержант, указывая на дуб.

– Нет, убийца не стал бы прятаться на дереве, где раньше лежал нож. Собаки могли учуять запах мускуса и кинуться к дереву вместо того, чтобы бежать по следу. Скорее всего, нож был спрятан рядом с тем местом, где его обнаружили.

Подойдя к камню, которым он обозначил это место, Торндайк продолжал:

– Видите, здесь рядом растет граб, крона у него низкая и раскидистая, как раз то, что нужно для невысокого человека. Посмотрим, есть ли там что-нибудь интересное. Лестницы у нас нет, так что придется вам ее заменить, сержант.

Тот с усмешкой согласился и, став рядом с грабом, нагнулся и крепко уперся руками в колени, как бы играя в чехарду. Ухватившись за толстую ветку, Торндайк взобрался на широкую спину сержанта и заглянул в крону. Потом раздвинул ветки и, ступив на край впадины, откуда они расходились, исчез в листве. Когда он снова появился, в руках у него было два довольно странных предмета: тигельные щипцы и черный лакированный футляр для кистей. Первый из них он протянул сверху мне, а вместе со вторым спрыгнул на землю.

– Эти вещи говорят сами за себя. Щипцами он держал нож, а в футляре принес его сюда, чтобы запах не пропитал одежду или сумку. Все было продумано до мелочей.

– Если так, то футляр должен пахнуть мускусом изнутри, – заметил инспектор.

– Несомненно. Но прежде чем мы его откроем, необходимо кое-что предпринять. Вас не затруднит передать мне йодоформ, Джервис?

Открыв лабораторный чемоданчик, обтянутый серым полотном, я достал оттуда предмет, похожий на крохотную перечницу, и вручил моему другу.

Держа футляр за металлическую ручку, он щедро обсыпал порошком его крышку. Потом сдул все лишнее, и оба полицейских радостно ахнули – на черной поверхности ясно обозначились отпечатки пальцев с отчетливым рисунком.

– Похоже, это правая рука, – заключил Торндайк. – А теперь займемся левой.

Он точно так же обработал корпус футляра, и когда излишек порошка был удален, на футляре появились многочисленные желтые следы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.